

ІЮЛЬ. 1903.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 7.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Пряжка, уг. Заводской, д. 1—3.
1903.

Командировка на холеру.

Изъ записокъ женщины-врача.

I.

Въ С.-Петербургѣ.

Въ маѣ 1892 г. мнѣ пришлось проѣхаться по Волгѣ съ больною, которую я сопровождала. Мы должны были проѣхать отъ Нижняго-Новгорода до Астрахани и затѣмъ вернуться обратно въ Москву. Это было очень пріятное путешествіе. Выѣхавъ въ 20-хъ числахъ мая, мы застали Волгу въ полной красѣ разлива. Больная моя чувствовала себя прекрасно; это была милая и образованная женщина. Общество на пароходѣ оказалось хорошее; многіе знали другъ-друга раньше, многіе перезнакомились теперь. Почти всѣ принадлежали къ одной средѣ, если не къ одному кругу.

Передъ глазами у насъ разстилалась необъятная волжская ширь, надъ нами синѣло безоблачное небо; нагорный берегъ, осыпанный цвѣтомъ яблонныхъ и вишневыхъ садовъ, бѣлѣлъ на цѣлые десятки верстъ; лугового берега иногда почти не было видно, иногда онъ зеленѣлъ сочными травами заливныхъ пожень; дальше шли по правому берегу поля начинавшей колоситься ржи или лѣсистые холмы съ оврагами и обрывами... И все это было такъ хорошо... и восходъ и закатъ солнца, и звѣздное небо, и точно уснувшая рѣка...

Въ одномъ только мѣстѣ было непріятно: за Саратовымъ насъ дня три заносило песчаною пылью, которая летѣла съ востока и желтымъ туманомъ заслоняла солнце и окрестности: дышать было нечѣмъ отъ духоты... Потомъ говорили, что эта пыль неслась къ намъ чуть не изъ центра Азіи, и находили въ ней одну изъ причинъ появленія холеры.

Въ Царицынѣ мы пріѣхали 3 іюня. Больная моя рѣшила пересѣсть на низовой пароходъ и вернуться домой; я не настаивала на продолженіи нашего путешествія, такъ какъ больная, чув-

ствовавшая себя прекрасно все время, теперь уже начинала безпокоиться о своихъ дѣтяхъ, и я боялась, что если мы поѣдемъ дальше, то ея безпокойство вызоветъ снова нервные припадки, отъ которыхъ она только что поправилась.

Распростившись съ нашими спутниками, мы перешли на низовой пароходъ и пустились въ обратный путь. Теперь мы ѣхали съ людьми, возвращавшимися изъ Закаспійской области и изъ Закавказья. Здѣсь мы въ первый разъ услышали о томъ, что въ Баку было нѣсколько случаевъ подозрительнаго заболѣванія, имѣвшаго признаки остраго желудочно-кишечнаго страданія и кончавщагося смертью. Тогда, однако, никто изъ насъ, не переживавшихъ тяжелыхъ холерныхъ эпидемій, не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, насколько эти слухи были серьезны.

Вернувшись съ Волги домой, я застала уже глухую тревогу и въ Петербургѣ. Скоро мы услышали о безпорядкахъ въ Астрахани и Баку — раньше, чѣмъ извѣстія о нихъ появились въ газетахъ. Тревога все разросталась, такъ какъ болѣзнь начала быстро охватывать приволжскія губерніи. Началось отправленіе санитарныхъ отрядовъ изъ врачей, фельдшеровъ, фельдшерицъ, студентовъ и сестеръ милосердія.

Тяжелое было время для Россіи, но во многихъ отношеніяхъ и плодотворное время. Въ обществѣ подъемъ духа былъ необыкновенный. Я говорю о молодежи и о той части интеллигентнаго общества, гдѣ пожилые люди и даже старики сумѣли сохранить живыя струны въ душѣ. Такія времена даютъ мѣрку человѣка и общества. Случалось мнѣ видѣть тогда людей, бросавшихъ все, что обѣщало имъ выгоды, чтобы идти на помощь страдающимъ отъ эпидеміи... Но нашелся и такой врачъ, который заявилъ мнѣ, что онъ теперь еще не поѣдетъ, а отправится тогда, когда по двѣ тысячи рублей будутъ платить въ мѣсяцъ...

Я очень боялась холеры, не смотря на то, что я врачъ. Впослѣдствіи я видѣла, какъ мужчины-врачи блѣднѣли при малѣйшемъ намекѣ на то, что у паціентовъ, къ которымъ ихъ зовутъ, есть симптомы желудочно-кишечныхъ заболѣваній, могущихъ оказаться холерой. Такіе врачи на эпидемію, конечно, не ѣздили.

Когда я задумала ѣхать, у меня началась борьба совѣсти съ трусостью.

Тѣ звѣрства, которыя совершались простонародьемъ надъ медицинскимъ персоналомъ меня какъ-то не страшили. Мнѣ много приходилось имѣть дѣла съ простымъ русскимъ человѣкомъ и никогда не случалось встрѣчать въ немъ продолжительнаго недовѣрія ко мнѣ, — такъ что я надѣялась на все лучшее. Но холеры я боялась всѣмъ своимъ существомъ и какъ-то даже больше физически, чѣмъ умственно. При мысли о ней у меня являлось сердцебіеніе и легкая тошнота, и мнѣ казалось, что желѣзнымъ обручемъ туго стягиваютъ мою голову и виски. Холера была

мнѣ противна и неизяществомъ заболѣванія: гибнуть и знать, что симптомы болѣзни, отъ которой умираешь, вызываютъ отвращеніе окружающихъ; знать, что служишь источникомъ гибели для другихъ...

Въ концѣ концовъ, однако, я рѣшилась ѣхать, отправилась въ медицинскій департаментъ и обратилась къ директору съ просьбой командировать меня въ качествѣ врача въ пораженныя холерною эпидеміею мѣстности.

— Хорошо,—сказалъ онъ:—я пошлю васъ въ Баку или Астрахань, вы знаете—туда, гдѣ теперь происходятъ безпорядки.

— Согласна ѣхать, куда угодно, — отвѣтила я: — только пошлите.

— Оставьте свой адресъ, мы васъ извѣстимъ.

Я вернулась домой и стала ждать. Въ газетахъ уже появились подробныя извѣстія о безпорядкахъ въ Баку и Астрахани. Разсказы, ходившіе по городу, были страшны: тамъ убили доктора, тутъ фельдшера. Во многихъ приволжскихъ городахъ разбивали больницы, поджигали и грабили квартиры врачей. Одного врача облили керосиномъ и сожгли. Другого заставили выпить всѣ найденныя буянами лѣкарства и дезинфекціонныя жидкости...

Въ это время я случайно встрѣтилась съ одною изъ своихъ знакомыхъ, женщиною-врачемъ, Д. Д., получившей медицинское образованіе въ Парижѣ. Она, вернувшись въ Россію, вышла замужъ и теперь уже имѣла двухъ дочерей—одну двѣнадцати, другую шести лѣтъ. Интересна ея исторія: она была дочь врача, небогатаго человѣка, который по ея желанію отпустилъ ее заграницу учиться медицинѣ. Сначала она была въ цюрихскомъ университетѣ а, послѣ того, какъ намъ всѣмъ пришлось оттуда уѣхать, перешла въ парижскую медицинскую школу. Тамъ она занималась настолько же серьезно, какъ и въ Цюрихѣ, и пріобрѣла репутацію дѣльной студентки. Она была очень некрасива, большого роста, полная, съ длиннымъ носомъ, толстыми губами и рѣдкими, прямыми, желто-бѣлокурыми волосами; она вѣчно щурила свои маленькіе, свѣтлосѣрые глаза и тяжело дышала. Одѣвалась она скверно и не къ лицу. Мы шутя звали ее молодымъ слономъ, хотя очень любили ее за умъ, доброту, отзывчивость на чужое горе, юморъ и необыкновенное безстрашіе. Она была изъ Закавказья. Въ 1877 г. она поѣхала въ Сербію (еще не кончивъ курса) для ухода за ранеными на войнѣ. Тамъ одна двусмысленная особа, нѣкто Кр—ва, прибывшая туда яко-бы съ тою же цѣлью, какъ Д. Д., утащила у нея паспортъ, переѣхала въ другой городъ, поселилась тамъ подъ ея именемъ и принялась за цѣлый рядъ очень некрасивыхъ дѣлъ. Д. Д. ровно ничего не подозрѣвала и думала, что сама затеряла свой паспортъ. Пріѣхавъ въ тотъ городъ, гдѣ подвизалась Кр—ва, она была очень непріятно удивлена, когда ее черезъ нѣкоторое время попросили

удалиться на томъ основанiи, что она особа двусмысленнаго поведенiя и что ей уже было воспрещенно проживать здѣсь. Много было хлопотъ бѣдной дѣвушкѣ, пока ей удалось доказать, что она вовсе не то лицо, за которое ее принимаютъ. Наконецъ, однако, все уладилось и ее назначили на санитарный пунктъ. Работала она самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Я приведу здѣсь одинъ эпизодъ изъ пережитаго ею. Подъ Алексинацемъ она съ санитарами подбирала раненыхъ съ поля битвы; когда сербскiя войска ударились въ бѣгство, санитары разбѣжались еще раньше солдатъ. Возмущенная Д. Д. начала громко стыдить и звать убѣгавшихъ солдатъ, такъ что нѣкоторые изъ нихъ вернулись, объявляя, что „если баба не труситъ, то и имъ бѣжать зазорно". Они начали помогать ей, подобрали раненыхъ и уложили ихъ въ повозки. Турки стрѣляли по фурамъ, но, къ счастью, никого не ранили. По пятамъ уходившаго санитарнаго отряда турки вошли въ Алексинацъ. Д. Д. не оставливалась здѣсь, а только проѣхала черезъ городъ и благополучно доставила своихъ раненыхъ въ ближайшiй санитарный пунктъ.

Потомъ Д. Д. ужасно сердилась на турокъ за то, что они разграбили ея квартиру въ Алексинацѣ; всѣ ея вещи пропали: бѣлье, книги, часы и деньги. Для небогатой дѣвушки это было чувствительной потерей. Ее наградили за труды какимъ-то сербскимъ знакомъ отличiя.

Когда Д. Д., окончивъ курсъ въ Парижѣ, вернулась въ Россiю, за нее вскорѣ посватался весьма порядочный человѣкъ. Не буду называть ни города, ни учрежденiя, гдѣ онъ служилъ, скажу только, что начальство его, узнавъ, что онъ женится на женщинѣ-врачѣ, поставило ему такой ultimatum: либо отказаться отъ невѣсты, либо подать въ отставку. Онъ подалъ въ отставку.

Вотъ съ этой-то Д. Д. мы и встрѣтились. Теперь она нисколько не напоминала бывшаго молодого слона. Она сдѣлалась почти красива, какъ ни мало элементовъ красоты было у ней въ молодости. Доброе и умное лицо ея какъ-то сложилось и оформилось; выраженiе его внушало съ перваго взгляда симпатiю и довѣрiе вся осанка была спокойна и полна достоинства. Одѣта была моя прiятельница просто и съ изящнымъ вкусомъ, а дочки ея были хорошенькiя и благовоспитанныя дѣвочки.

Мы разговорились. Я сѣтовала на то, что мнѣ изъ медицинскаго департамента не даютъ никакого отвѣта относительно командировки на холеру, сколько я ни хожу туда. Директоръ, говорятъ, уѣхалъ на Кавказъ, а вице-директоръ не можетъ ничего сдѣлать для меня, такъ какъ я права практики въ Россiи не имѣю. Д. Д. тоже не имѣла русскаго диплома. У нея не было средствъ прожить по прiѣздѣ два-три года въ ожиданiи разрѣшенiя на сдачу экзамена. Потомъ она вышла замужъ, пошли дѣти—такъ она экзамена и не сдала. Мы рѣшили совмѣстно при-

няться за хлопоты о командировкѣ и отправились въ медицинскій департаментъ. Тамъ намъ опять сказали, что нужно „ждать". Тогда мы рѣшили искать протекціи сильныхъ міра сего. Много пороговъ мы обили и вотъ, въ одинъ прекрасный день, вслѣдствіе-ли нашихъ хлопотъ, или по какимъ-либо инымъ причинамъ, но въ газетахъ появился вызовъ врачей съ иностранными дипломами, желающихъ работать на холерной эпидеміи. Мы съ Д. Д. поѣхали въ департаментъ. Когда мы вошли въ кабинетъ вице-директора, онъ встрѣтилъ насъ словами: „Я зналъ, что вы первыя откликнитесь", и тотчасъ назначилъ насъ въ Самарскую губернію. Дня черезъ два намъ велѣли явиться за маршрутами и деньгами.

Когда я ѣхала домой, на меня вдругъ нашло малодушіе: я горько расплакалась. Слезы лились неудержимо: „хочу жить, какъ ни тяжела жизнь... а вотъ сама выпросилась ѣхать на вѣрную смерть!" Мнѣ стало ужасно жаль самоё себя. Не могу объяснить себѣ и теперь такихъ противорѣчій. Я находилась точно подъ вліяніемъ тяжелаго кошмара, настроеніе мое было возбужденно-унылое, если можно такъ выразиться; но въ то же время мысль отказаться отъ поѣздки даже и на умъ не приходила.

Теперь нужно было воспользоваться двумя днями данной намъ отсрочки для того, чтобы взглянуть на холерныхъ больныхъ, которые были уже и въ Петербургѣ. Начавъ проситься въ командировку въ концѣ іюня, мнѣ удалось быть назначенной въ Самару только къ началу августа; конечно, за это время я перечитала все, что могла найти печатнаго о холерѣ, но я не была знакома съ проявленіями болѣзни и ея лѣченьемъ на практикѣ. Я въ то время жила въ городской больницѣ Св. Пантелеймона для душевно-больныхъ, гдѣ служилъ мой мужъ, и не считала себя вправѣ пугать всѣхъ живущихъ въ ней посѣщеніями холерныхъ бараковъ, въ виду того, что у насъ въ больницѣ царилъ паническій ужасъ съ тѣхъ поръ, какъ холера проникла въ Петербургъ. Но теперь мнѣ было необходимо хоть разъ съѣздить въ Александровскую больницу, гдѣ помѣщались холерные; я рѣшила принять всякія мѣры, чтобы не занести заразы къ намъ и, скрѣпя сердце, отправилась.

Въ Александровской больницѣ меня весьма любезно принялъ дежурный врачъ и познакомилъ съ докторомъ С. С. Боткинымъ, который провелъ меня по палатамъ и далъ мнѣ множество драгоцѣнныхъ указаній; за нихъ я здѣсь приношу ему искреннюю благодарность. Дежурный врачъ, между прочимъ, сказалъ мнѣ слѣдующее: „при холерѣ живые похожи на мертвыхъ, а мертвые на живыхъ". И дѣйствительно, ходя по палатамъ, я трехъ больныхъ приняла за мертвецовъ, а двухъ умершихъ за живыхъ, крѣпко спящихъ людей.

Хотя я приняла искреннее намѣреніе не сторониться своихъ

будущихъ больныхъ, я, тѣмъ не менѣе, удивлялась сестрамъ милосердія и фельдшерицамъ, обходившимся съ холерными такъ же просто, какъ и съ другими больными.

Въ Александровской больницѣ меня поразила еще одна вещь, именно, что больные, не погибшіе отъ холерныхъ приступовъ, т. е. такіе, на выздоровленіе которыхъ была надежда, отличались замѣчательно свѣжимъ цвѣтомъ лица. Сестры милосердія и сидѣлки въ сравненіи съ ними казались желто-блѣдными и совершенно истощенными.

На слѣдующій день я закупила нужныя книги, запаслась рекомендательными письмами въ Самару и уложила свои вещи.

Наступилъ день отъѣзда. Мы съ Д. Д. сговорились ѣхать вмѣстѣ. Д. Д. провожали мужъ и дѣти; было пролито такъ много слезъ, что не только она, но даже и я пришла въ совершенно угнетенное настроеніе и почувствовала облегченіе только тогда, когда мы усѣлись въ вагонъ, поѣздъ тронулся и мы, наконецъ, уѣхали.

II.

Въ дорогѣ.

Въ Москвѣ я осмотрѣла приспособленія, устроенныя на желѣзныхъ дорогахъ на случай заболѣванія пассажировъ холерою. Санитарные вагоны были чисты, удобны и покойны,—аптечки правильно составлены и полны. За то ничего не было страннѣе докторскихъ обходовъ во время пути. При остановкѣ поѣзда на какой-нибудь станціи проходитъ спѣшно по вагону докторъ и, обращаясь направо и налѣво, не ожидая отвѣта, говоритъ: „Вы здоровы? Вы здоровы“. И изъ-за этого задерживаютъ поѣзда на станціяхъ, а пассажировъ въ вагонахъ—не даютъ не только поѣсть, но даже иной разъ чаю напиться. Эти осмотры также жестоко пугали ѣдущихъ: случалось, что дѣйствительно заболѣвшіе люди, нуждавшіеся въ помощи, скрывали свое состояніе, стыдясь обратиться на народѣ къ врачу и воображая, что ихъ сейчасъ потащутъ въ холерный вагонъ. Не лучше ли было бы, если бы даже не докторъ, а хоть только фельдшеръ былъ при каждомъ поѣздѣ, и кондукторъ заявлялъ бы объ этомъ въ каждомъ вагонѣ, при чемъ были бы и по стѣнамъ прибиты объявленія о томъ, что при поѣздѣ имѣется медицинская помощь. Первую помощь заболѣвшимъ во время пути подавалъ бы фельдшеръ, а пріѣхавъ на станцію, больной могъ бы быть осмотрѣнъ и докторомъ. Тогда всякій желающій могъ бы обратиться къ медицинской помощи, не привлекая на себя вниманія публики.

Пробывъ сутки въ Москвѣ, мы съ Д. Д. отправились дальше по назначенію. Насъ посадили въ отдѣльное купэ второго класса. Ря-

домъ съ нами было еще пустое купэ второго и за нимъ два занятыхъ третьяго класса.

Мы принялись читать книгу Галанина, именно главу о терапіи холеры, и разсуждали о прочитанномъ; намъ казалось, что крестьяне не допустятъ никакихъ подкожныхъ вливаній и впрыскиваній. Мы спрашивали себя, что дѣлать, если они совсѣмъ откажутся лѣчиться какими бы то ни было новыми способами. Вѣдь понятно, что ихъ нельзя оставлять безъ помощи... А добросовѣстно ли будетъ ограничиться только тѣми средствами, на которыя сами больные будутъ согласны.

Въ это время дверь къ намъ отворилась и въ вагонъ заглянула какая-то молодая дѣвушка; лицо ея показалось мнѣ германскаго типа. Она, не говоря ни слова, опять захлопнула дверь. Черезъ нѣкоторое время я вышла въ корридоръ, чтобы пройтись, такъ какъ устала сидѣть. Та же молодая дѣвушка стояла въ корридорѣ, высунувъ голову изъ открытаго окна. Погода была вѣтряная, сырая и холодная. Проходя мимо дѣвушки, я замѣтила, что голова ея была обрита: рѣдкіе и тонкіе волоса только что начинали отростать.

— Послушайте,—обратилась я къ ней:—вы, по всей вѣроятности, только что перенесли тифъ или что-нибудь въ этомъ родѣ, а теперь стойте въ легкой ситцевой кофточкѣ на холоду и сырости...

Она удивленно взглянула на меня: „Да, у меня былъ тифъ“, отвѣчала она: „Но это ничего не значитъ“...

— Пожалуйста, уйдите,—сказала я.

Лицо ея выразило нѣкоторое нетерпѣніе, но она послушалась.

Мнѣ показалось, что у нея и выговоръ нѣмецкій. Вернувшись въ свой вагонъ, я сообщила Д. Д. о томъ, что сейчасъ прочла нѣмочкѣ нотацію за небрежное отношеніе къ собственному здоровью.

На слѣдующей станціи въ нашъ вагонъ сѣла пассажирка— худенькая молодая дѣвушка, очень просто одѣтая и съ весьма интеллигентнымъ лицомъ. Мы разговорились: оказалось, что она сестра женщины-врача Х., находящейся на эпидеміи въ одной изъ приволжскихъ губерній; она ѣхала теперь, не помню именно куда, за денежной и всяческой помощью; она многое разсказала намъ о недовѣріи больного населенія къ врачамъ, о бѣдности его, о недостаткѣ средствъ для помощи, такъ что у меня сдѣлалось очень тоскливо на душѣ и я начала думать о томъ, что взяла на себя слишкомъ трудную работу.

На одной изъ станцій наша спутница выходила, чтобы напиться чаю, и, вернувшись, сказала намъ, что въ купэ третьяго класса ѣдутъ три молодыя фельдшерицы тоже на холеру въ Самару. Мы тотчасъ отправились къ нимъ знакомиться. Моя „нѣмочка“ оказалась одною изъ трехъ и была вовсе не нѣмка, а

вполнѣ русскій человѣкъ и московская фельдшерская ученица—звали ее Надеждой Яковлевной Кол. Она ѣхала со своею сестрою Софьею Яковлевной—не фельдшерицей, а доброволицей, взявшейся ходить за холерными больными. Съ ними была также студентка женевскаго университета Павла Николаевна Ш. Знакомство мое съ этими дѣвушками принадлежитъ къ лучшимъ воспоминаніямъ моей жизни.

Г-жа Х. много разсказывала о дѣятельности своей сестры. Сестры Кол. говорили, что онѣ со своей матерью уже были этою весною въ Самарской губерніи и устраивали на свой счетъ столовыя въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая, и потомъ работали тутъ же на тифѣ, гдѣ Надежда Яковлевна и захворала. Когда она выздоровѣла, онѣ уѣхали для отдыха домой въ Ярославскую губернію, гдѣ у отца ихъ было имѣніе. Ихъ всѣхъ было шесть сестеръ и всѣ: кто фельдшерица, кто учительница. Отцу ихъ это несовсѣмъ нравилось, ему хотѣлось, чтобы умненькія дочери его блистали въ мѣстномъ дворянскомъ обществѣ, но мать поддерживала ихъ въ стремленіи къ трудовой жизни, которая имъ была милѣе свѣтскихъ успѣховъ. Все это я узнала позднѣе, когда познакомилась и съ матерью, и съ остальными сестрами.

Когда я объяснила, что приняла Надежду Яковлевну за нѣмку, то Софья Яковлевна и Павла Николаевна расхохотались, а Надежда Яковлевна нахмурилась. Оказалось, что она чувствовала себя еще довольно слабой послѣ болѣзни и хотѣла отдохнуть въ купэ второго класса. Она сказала своимъ спутницамъ, что попроситъ тамошнихъ пассажировъ пріютить ее. Тѣ шутя отвѣтили ей, что ее прогонятъ. Она, тѣмъ не менѣе, заглянула къ намъ, но мы внушили ей такой „решпектъ", что она побоялась высказать свою просьбу и ретировалась. Не желая слышать поддразниваній надъ своею трусостью, она не вернулась въ свой вагонъ, но, открывъ въ корридорѣ окошко, предалась меланхолическому осмотру мѣстности. Тамъ я застала ее и уговорила уйти отъ окна, и ей волей-неволей пришлось вернуться къ сестрѣ и подругѣ; тѣ, конечно, безпощадно стали дразнить ее за то, что „она не солоно похлебала".

Все это, разсказанное съ молодымъ задоромъ и добродушнымъ юморомъ, развеселило и насъ съ Д. Д., и я начала шутливо увѣрять молодыхъ дѣвушекъ, что вполнѣ одобряю „решпектъ" къ будущему начальству.

— Какому начальству?—закипятилась Павла Николаевна.

— А къ такому, въ отрядѣ котораго будете. Вотъ выпрошу себѣ васъ въ отрядъ, да и введу тамъ строжайшую дисциплину...

Но тутъ начались у насъ всякія теоретическія разсужденія, и время незамѣтно прошло до той поры, когда намъ пришлось проститься съ Г. Х., выходившей, не доѣзжая Самары.

Странное было у меня чувство въ теченіе всего этого путе-

шествія: мнѣ казалось, будто я приговорена къ смерти, и казнь моя отложена на неопредѣленное, но, однако, короткое время. И вотъ, забудешься на минуту, потомъ, вдругъ, вспомнишь—и сердце болѣзненно сожмется.

Когда мы стали подъѣзжать къ Самарѣ, я начала считать часы: вотъ еще три, два, одинъ часъ безопасности. На станціяхъ я приглядывалась къ лицамъ прогуливающихся по платформамъ людей, стараясь угадать, нѣтъ ли у кого признаковъ холернаго зараженія, еще, можетъ быть, неизвѣстныхъ самому заболѣвшему. Погода была дождливая и холодная, а настроеніе мое тоскливо-трусливое. Понятно, что я всего этого никому не высказывала, хотя не бодрилась и не хвасталась, что ничего не боюсь. Я вовсе ничего не говорила о своемъ личномъ отношеніи къ эпидеміи, а только выражала интересъ къ ней, какъ вообще человѣкъ, ѣдущій въ совершенно незнакомый ему край на дѣятельность при неизвѣстныхъ ему условіяхъ.

Мы сговорились съ фельдшерицами по возможности не разставаться и въ Самарѣ, и когда пріѣхали, то поручили носильщикамъ снести наши вещи въ одну и ту же гостиницу.

III.

Въ Самарѣ.

Въ первый разъ попала я въ степной губернскій городъ, а между тѣмъ передо мной предстала знакомая картина. Деревянные сѣрые, желтые, зеленые и розовые домики,—улицы грязныя, мѣстами заросшія травой,—деревянные мостки изъ барочнаго теса; посреди города нѣсколько улицъ, напоминающихъ Петербургскую или Выборгскую сторону, съ небольшимъ числомъ красивыхъ магазиновъ; скверныя извозчичьи пролетки, старомодные наряды на женщинахъ, слишкомъ узкіе и короткіе сюртуки и пальто на мужчинахъ, точно они всѣ выросли изъ своего платья,—большое количество сѣраго люда на улицахъ. Все это я видѣла уже и въ Твери, и въ Казани, и отчасти въ Москвѣ.

Мы пріѣхали утромъ. Не помню, какъ называлась наша гостиница—теперь она уже больше не существуетъ. Она оказалась весьма порядочной, въ особенности для провинціальнаго города. Только что мы водворились въ своихъ комнатахъ, какъ явился къ намъ студентъ медицинской академіи Бл—товъ, бывшій чѣмъ-то въ родѣ чиновника особыхъ порученій по медицинскимъ дѣламъ, и сказалъ, что мы должны тотчасъ представиться губернатору, А. С. Брянчанинову. Губернаторъ объявилъ намъ, что до дальнѣйшихъ распоряженій онъ прикомандировываетъ насъ къ самарскому холерному госпиталю для того, чтобы мы могли

познакомиться съ методами лѣченія, найденными цѣлесообразными въ Самарѣ.

„Вотъ оно“! подумала я: „теперь приходится стать лицомъ къ лицу съ чудовищемъ-холерой... Но живъ Богъ и жива душа моя! Только-бы не показать другимъ своего малодушія, своей трусости... того физическаго страха, который я, помимо моей воли, испытываю“.

У губернатора намъ сказали, что мы должны представиться медицинскому инспектору. Это мы сдѣлали по пути въ больницу, куда прибыли, когда докторская визитація была уже почти окончена.

Больница помѣщалась на дальней окраинѣ города, близь Волги, и обнесена была высокимъ деревяннымъ заборомъ самаго гнуснаго желтаго цвѣта. Пространство, огороженное заборомъ, представляло нѣчто въ родѣ пустыря съ выведенными на немъ временными постройками. Наискосокъ отъ входныхъ воротъ стояло длинное, одноэтажное темно-желтое деревянное зданіе; за нимъ, направо, другія мелкія постройки: кухня, баня, прачешная, дезинфекціонная камера и т. п. Налѣво—на полъ-пути между воротами и главнымъ зданіемъ—небольшой сарайчикъ: контора больницы; за нимъ, тоже налѣво: чистенькій баракъ, помѣщеніе для дежурнаго врача.

Въ палатѣ для выздоравливающихъ, куда насъ привели, находился больничный врачъ, г. X., студентъ Бл—товъ, еще нѣсколько врачей и студентовъ и человѣкъ пятнадцать сестеръ милосердія и фельдшерицъ. Бо̂льшая часть послѣднихъ прибыли одновременно съ нами и въ первый разъ должны были увидѣть холерныхъ больныхъ.

Собственно визитація больныхъ была уже окончена, и врачебный персоналъ занимался теперь фотографированіемъ выздоравливающихъ. Раньше были сняты портреты трудныхъ больныхъ. Здѣсь, какъ въ Петербургѣ, меня поразилъ видъ выздоравливающихъ. Они въ сравненіи съ медицинскимъ персоналомъ казались цвѣтущими. Сестры милосердія, сидѣлки, служителя въ большинствѣ были блѣдны, желты, истомлены... всѣ они суетились, ходили туда и сюда... Больные, въ своихъ чистыхъ, бѣлыхъ постеляхъ, въ чистомъ бѣльѣ спокойно лежали: глаза ихъ блестѣли, губы и щеки были розовыя. Это было бы понятно при лихорадочномъ состояніи,—но таковъ-же былъ видъ и тѣхъ больныхъ, у которыхъ температура была вполнѣ нормальна. Какъ только, однако, кто-нибудь изъ нихъ вставалъ съ постели, лицо его тотчасъ какъ-то обтягивалось, блѣднѣло, носъ заострялся и видно было, что болѣзнь жестоко истощила несчастнаго.

Мнѣ скоро надоѣло смотрѣть на процессъ фотографированія, стоя за толпою тѣснившихся вокругъ аппарата сестеръ и фельдшерицъ; мнѣ хотѣлось видѣть трудныхъ больныхъ, но я не знала,

можно-ли мнѣ одной отправиться осматривать палаты. Въ это время ко мнѣ обратилась худощавая особа лѣтъ сорока и отрекомендовалась мнѣ сестрой милосердія Ольгой Алексѣевной С. Я съ своей стороны назвала ей себя и сказала, что мнѣ хочется пройти въ остальныя палаты.

„Пойдемте“, сказала она: „я думаю, что это не запрещено“.

Мы пошли. Глубокой жалостью наполнилось мое сердце, когда я вошла въ отдѣленіе тяжело-больныхъ. Погода въ этотъ день сразу перемѣнилась, какъ это бываетъ въ степныхъ мѣстностяхъ: дождь прошелъ, вѣтеръ стихъ, засіяло солнце и стало жарко. Въ палатѣ, помѣщавшейся на полдень, было очень душно. Помнится мнѣ маленькій старичекъ въ углу на лѣво. Онъ все время что-то бормоталъ и безостановочно перекатывалъ голову по подушкѣ слѣва на право. Глаза его глубоко ввалились, лицо осунулось. Спутанные и взъерошенные сѣдые волосы и борода придавали ему дикій видъ. Онъ лежалъ на спинѣ. Въ правомъ углу меня еще больше поразилъ другой, молодой больной. Онъ лежалъ на правомъ боку, съ закрытыми глазами. Запахъ отъ него былъ ужасный. Повидимому, онъ умиралъ отъ гангрены кишекъ. Синевато-блѣдное лицо его было страшно худо; изъ носа на правую щеку протекла тонкая струя крови и запеклась здѣсь; около головы его жужжала громадная сине-зеленая блестящая мясная муха, которая только-что наложила ему на щеку двѣ кучки своихъ желтовато-бѣлыхъ яицъ. Я содрогнулась.

„Нужно-бы было обчистить его“,—сказала я Ольгѣ Алексѣевнѣ,—„только какъ мы это сдѣлаемъ, у насъ ничего нѣтъ... разыщемте сестру, которой поручена эта палата“...

Мы скоро нашли ее; она была занята въ другомъ отдѣленіи.

— Сестрица,—обратилась я къ ней — тамъ муха наложила больному червей на лицо, нужно-бы...

— Что вы такое врете! Никакихъ червей нѣтъ и не было — накинулась она на меня,—только что явятся неизвѣстно кто и откуда и сейчасъ осуждать!..

— Позвольте, сестра,—сухо заговорила я,—никого я не осуждаю и не въ этомъ дѣло... Заявляю вамъ, что я врачъ, хотя на мнѣ надѣтъ бѣлый фартукъ и косынка, какъ на фельдшерицахъ и на васъ... и теперь я приказываю вамъ тотчасъ пойти и обмыть больного...

„Вотъ съ такими людьми придется работать“,—подумалось мнѣ. Однако, можетъ быть, она устала, пришла въ нервное состояніе, больна, наконецъ? Но нѣтъ, видъ у нея цвѣтущій, она лѣтъ сорока, приземиста, широкоплеча и глаза у нея злые. Каково-то будетъ молодымъ сестрамъ, которыхъ ей дадутъ въ помощницы— нѣтъ, ее во всякомъ случаѣ усмирить нужно. Я отозвала студента Бл—това и разсказала ему только-что происшедшую сцену.

— Хорошо,—сказалъ онъ,—это не должно повторяться, я переговорю съ сестрой.

Потомъ онъ передалъ мнѣ, что намъ съ Д. Д. на сегодня поручаютъ больницу: мы будемъ дежурить въ ней до завтрашняго утра—всѣ врачи переутомились и очень рады, что явились новыя силы на смѣну.

Я испугалась. Здѣсь пятьдесятъ тяжелыхъ холерныхъ больныхъ, а я ничего не знаю. Развѣ достаточно тѣхъ теоретическихъ свѣдѣній, которыя я вычитала изъ книгъ? Могу-ли я по совѣсти взяться за дѣло? Вѣдь я думала, что мнѣ хоть нѣсколько дней дадутъ, чтобы ознакомиться съ дѣломъ практически. Я воображала, что меня сдѣлаютъ хотя на нѣкоторое время ассистентомъ котораго-нибудь изъ знакомыхъ съ холерою врачей. Все это молніей пронеслось въ моей головѣ. Но я не смѣла ничего сказать; вѣдь я понимала, что большинство врачей стояло въ такомъ-же положеніи, какъ я.

— Хорошо,—отвѣтила я, а про себя подумала: „сдѣлаю съ Божіей помощью все, что смогу и сумѣю. „Man kann nicht mehr thun, als thun!“ какъ говорила юнгферъ Хоцъ, старшая сестра милосердія цюрихской дѣтской больницы, гдѣ я исполняла одно время обязанности больничнаго врача. Надо дѣлать свое дѣло, не жалѣя силъ и не думая о себѣ, а больше этого ничего сдѣлать нельзя.

Больничный врачъ пригласилъ Д. Д. и меня обойти съ нимъ больницу; остальные врачи и студентъ Бл—товъ ушли. Когда обходъ былъ оконченъ и врачъ Х. ушелъ, накричавшая на меня сестра милосердія пришла извиняться, говоря, что она приняла меня за фельдшерицу и думала, что я ей „шпильки пускаю насчетъ мухъ и червей“... Мухъ-же такъ много, что это точно казнь египетская...

— Все это я понимаю, сестра,—отвѣтила я,—и никакого желанія осуждать кого-бы то ни было я и въ помышленіи не имѣла: я думала только объ умирающемъ... Но опять прибавлю, что если бы я была и фельдшерицей, вы, тѣмъ не менѣе, не имѣли-бы права такъ грубо обойтись со мною.

На этомъ дѣло покончилось. Ольга Алексѣевна, не отстававшая отъ меня, гораздо больше меня ужасалась по поводу „этого печальнаго инцидента“. Она наговорила мнѣ, между прочимъ, кучу любезностей и заявила, что ей очень хотѣлось-бы работать вмѣстѣ со мною. Всѣмъ этимъ я была весьма тронута... O sancta simplicitas!

Еще разъ обойдя палаты и познакомившись ближе съ назначеніями врачей, мы съ Д. Д. отправились завтракать въ дежурную комнату, куда насъ пригласила милѣйшая Анна Павловна, сестра-экономка, завѣдывавшая хозяйствомъ больницы. Прелестное, смуглое и румяное, веселое и энергичное лицо ея, съ красивыми

и честными карими глазами, и теперь, какъ живое, видится мнѣ. Она уже нѣсколько мѣсяцевъ пробыла въ Самарской губерніи и весной находилась на пунктѣ, который былъ устроенъ въ одной изъ мѣстностей, страдавшихъ отъ голода и тифа.

Въ первую минуту ея жизнерадостность показалась мнѣ странной и неумѣстной, но потомъ я поняла, какъ благодѣтельно вліяла эта бодрая и ласковая веселость и на больныхъ, и на работавшій до переутомленія медицинскій персоналъ. Какъ ни тоскливо были мы съ Д. Д. настроены, но и мы не могли не развеселиться, когда Анна Павловна съ своеобразнымъ юморомъ начала разсказывать намъ различные эпизоды изъ своей командировки. Такъ, напримѣръ, въ одной захолустной татарской деревнѣ сестеръ милосердія приняли за женъ врача, завѣдывавшаго отрядомъ, и одинъ богатый старый татаринъ, которому особенно понравилась Анна Павловна, долго упрашивалъ доктора: „продать ему этотъ дѣвка“, обѣщая дать какую угодно цѣну.

Мы не успѣли кончить завтрака, состоявшаго изъ бифштекса, яицъ и чая, какъ въ дежурную комнату влетѣлъ студентъ Бл—товъ и объявилъ Д. Д., что она назначена врачомъ въ городской амбулаторный пунктъ, которымъ до настоящаго времени завѣдывалъ студентъ, теперь заболѣвшій отъ усталости. Оказывалось, что въ Самарѣ къ этому времени десятки тысячъ больныхъ уже получили медицинскую помощь. Студенты медицинской академіи оставили въ Самарѣ самое отрадное воспоминаніе. И, тѣмъ не менѣе, нашлись люди, старавшіеся впослѣдствіи набросить тѣнь на ихъ дѣятельность. Впрочемъ, объ этомъ рѣчь впереди.

Д. Д. тотчасъ отправилась по назначенью, я-же осталась въ больницѣ.

Все, что я видѣла въ это утро, вся эта масса новыхъ впечатлѣній какъ-то притупила мой болѣзненный страхъ холеры. Теперь же, когда я осталась одна, я опять начала мучаться мыслью о холерѣ и о томъ, что взяла на себя страшную и непосильную отвѣтственность, согласившись дежурить въ больницѣ. Хорошо, если не привезутъ новыхъ больныхъ,—прежнимъ назначенія сдѣланы. Если у нихъ наступятъ новыя явленія я, вѣроятно, справлюсь съ ними... Но сумѣю ли я вѣрно оцѣнить такой симптомо-комплексъ, который представитъ мнѣ вновь поступающій больной? Будутъ ли мои назначенія соотвѣтствовать показаніямъ? Не опущу ли я чего-нибудь важнаго? Каждый больной представляетъ такія особенности, которыхъ не могутъ предусмотрѣть не только учебники, но и самыя пространныя сочиненія. Счастливъ глубоко-вѣрующій человѣкъ, онъ въ такомъ положеніи принялся бы молиться.

Но, вотъ, на дворѣ раздаются какіе-то возгласы! Ко мнѣ торопливо вошелъ служитель: „Больного привезли!“.

„Помоги мнѣ, Господи!“—невольно проговорила я и пошла.

Отъ воротъ ѣхала къ конторѣ большая, грязная и неуклюжая телѣга—въ ней находился больной. Телѣга остановилась противъ сарайчика. Больной лежалъ въ ней ничкомъ. Одежда его была изорвана и вымазана въ грязи.

Мужикъ, привезшій его, заявилъ, что онъ подобралъ его на улицѣ, и что у него была сильная рвота. Я обратилась къ больному: „Послушай, голубчикъ",—начала я... Въ эту минуту онъ поднялъ голову: въ глазахъ его свѣтился пьяный юморъ и онъ заплетающимся языкомъ началъ объяснять, что—„доколѣ же ему твердить подобравшему его дураку, что онъ здоровъ и веселъ, только выпилъ немножко лишку... ну... и ослабѣлъ... Ну... и что-жъ? Пожалуй, ведите въ баракъ... и въ баракѣ на чистой постели проспаться можно!"...

Всѣ невольно разсмѣялись, — пришлось отослать пьянаго обратно; онъ оказался дѣйствительно здоровымъ сосѣднимъ рабочимъ.

Отпустивъ мнимаго больного, я прошла въ палаты. Тамъ меня встрѣтила молоденькая фельдшерица, Соня Г., съ которой меня раньше познакомилъ больничный врачъ, говоря, что, въ случаѣ нужды, ей можно довѣрить чуть не одной всю больницу: такая она старательная, толковая и знающая. Милое, смуглое личико Сони Г. улыбалось, но того веселаго выраженія, какъ у Анны Павловны, не было видно на немъ. Соня Г. оказалась еврейкой изъ интеллигентной, трудящейся семьи. Мы съ ней ходили по палатамъ и дѣлали то, что требовалось; потомъ прошли въ аптеку и долго тамъ толковали. Мы обѣ не желали оставаться въ городѣ, гдѣ медицинскаго персонала и безъ насъ было много, а стремились въ деревню, туда, гдѣ на нѣсколько десятковъ верстъ нѣтъ не только врача, но даже фельдшера или сестры милосердія.

„Больную привезли",—раздался въ дверяхъ аптеки голосъ дежурнаго служетеля. На этотъ разъ привезенная женщина дѣйствительно оказалась больною. Это была молодая крестьянка; лицо ея осунулось и посинѣло, глаза ввалились, въ рукахъ и ногахъ начинались судороги. Мы живо перенесли ее въ палату; потомъ ее обложили грѣлками, стали растирать, старались остановить рвоту и вернуть исчезнувшій пульсъ.

Предпринятыя мѣры оказались успѣшными: больная начала согрѣваться, рвота прекратилась, на лицѣ и на тѣлѣ у нея выступилъ теплый потъ, судороги больше не повторялись, пульсъ усилился, она заснула и мы стали надѣяться, что она выздоровѣетъ. Теперь и мы могли отдохнуть: мы болѣе двухъ часовъ возились съ нею, и у меня даже заболѣла спина отъ непривычнаго, полусогнутаго положенія.

Выпрямившись и вздохнувъ полной грудью, я почувствовала себя ужасно легко... „Но какая же это тяжесть спáла съ меня?..

Да, вѣдь я, кажется, когда-то боялась холеры"... вспомнилось мнѣ вдругъ, и я внутренно разсмѣялась. Возня съ больною заставила меня совершенно забыть объ этомъ и, вообще, о самой себѣ, и мнѣ казалось теперь, что свою тоскливую боязнь я испытывала когда-то давно, очень давно... И мнѣ вдругъ стало хорошо и весело: всѣ думы о чемъ бы то ни было постороннемъ отошли куда-то вдаль и осталось одно горячее желаніе не давать гибнуть живымъ существамъ...

Только одна больная и поступила въ больницу въ день моего дежурства. Она, какъ я потомъ слышала, скоро вполнѣ выздоровѣла. Къ вечеру умерли старикъ и молодой парень, привлекшіе утромъ мое вниманіе.

Черезъ извѣстные промежутки времени мы съ Соней Г. отправлялись въ обходъ по палатамъ въ теченіе вечера и также всей ночи. Помнится мнѣ одинъ старый солдатъ, у котораго вдругъ начались сильныя судороги. Два служителя-татарина растирали его очень усердно, но несовсѣмъ умѣло и никакъ уже не нѣжно. Больной бранился, беззвучнымъ, сиплымъ холернымъ голосомъ, говоря, что ему больно, и, когда я нагнулась къ нему, чтобы разслышать его хорошенько, онъ сказалъ: „Разотри ты..." Я не тотчасъ поняла его, и онъ нетерпѣливо повторилъ: „Ты, сестра, разотри!" Я принялась его растирать.

Чтобы растираніе достигло цѣли, мнѣ пришлось сильно напрягать свои непривычныя къ физическому труду мышцы; скоро потъ градомъ катился у меня по лицу и заныла спина, но я продолжала растирать бѣднягу, что было мочи. Я не разъ слышала отъ людей, не видавшихъ холерныхъ больныхъ, самыя странныя вещи относительно холерныхъ судорогъ: многіе воображаютъ, что названныя судороги состоятъ изъ безпорядочныхъ и сильныхъ движеній туловища и конечностей. Между тѣмъ, это вовсе не такъ: холерный больной можетъ лежать неподвижно при судорогахъ; у него чаще всего сокращаются отдѣльныя мышцы, набухая и представляя твердыя утолщенія. Эти утолщенія достигаютъ у мускулистыхъ людей величины дѣтской головки. Иногда руки и ноги притягиваются къ туловищу, голова запрокидывается, являются припухлости на животѣ, груди и лицѣ. Все это я сама видѣла, но никогда не видѣла эпилептоидныхъ холерныхъ конвульсій.

Промучивъ меня около часа, мой старый солдатъ спокойно заснулъ; впослѣдствіи онъ поправился.

Ночь прошла. Около шести часовъ утра я вернулась въ дежурную комнату, умылась и принялась пить чай. Мнѣ принесли яицъ, масла, портвейна,—предлагали какого-то мяса. Вообще, какъ больныхъ, такъ и прислугу и медицинскій персоналъ кормили очень хорошо. Прислуга должна была ходить въ баню два раза въ недѣлю. Этими мѣрами достигали отличныхъ результа-

товъ: заболѣванія медицинскаго персонала и прислуги были весьма рѣдки въ холерную эпидемію 1892 г.; на тифѣ было совсѣмъ другое: тамъ почти поголовно всѣ раньше или позже перехворали; это, впрочемъ, зависитъ также, насколько я понимаю, отъ различій въ болѣзнетворныхъ началахъ.

Въ это утро я ничего не могла ѣсть—не отъ усталости, а отъ волненія, вслѣдствіе наплыва новыхъ впечатлѣній, но чаю я напилась съ удовольствіемъ. Соня Г. пришла на минуту ко мнѣ и разсказала, какъ недавно умеръ здѣсь студентъ П. Это было въ самый разгаръ эпидеміи. Работы было очень много днемъ и ночью и П. сильно утомился. Выпала ему минутка для отдыха и онъ заснулъ въ дежурной комнатѣ, какъ убитый. Проснувшись отъ жажды, онъ, не зажигая огня, такъ какъ луна ярко свѣтила, налилъ себѣ стаканъ воды изъ бутыли, стоявшей рядомъ на столѣ, и только выпивъ половину, понялъ, что это была не вода, а растворъ сулемы. Онъ тотчасъ позвалъ на помощь врачей, принявъ предварительно самъ всѣ мѣры, которыя предписываются при отравленіяхъ сулемою, но, тѣмъ не менѣе, спасти его не оказалось возможнымъ; черезъ сутки, кажется, онъ умеръ, страдая невыразимо. Онъ былъ единственный сынъ бѣдной вдовы, переносившей всякія лишенія для того, чтобы обезпечить своему сыну медицинское образованіе; онъ дошелъ уже до пятаго курса. Хоронили его съ необыкновеннымъ торжествомъ: чуть не вся Самара шла за гробомъ.

И все произошло отъ того, что безграмотная сидѣлка, убирая дежурную комнату, поставила по ошибкѣ бутыль съ сулемою, вмѣсто бутыли съ водой, на столъ у постели. Бутыли сулемы и отварной воды были одинаковой формы и цвѣта и отличались только надписями.

Соня Г. этотъ день должна была отдыхать и шла теперь домой.

По уходѣ ея я не долго оставалась въ дежурной одна. Сначала пришелъ докторъ П., прибывшій недавно изъ Петербурга; потомъ студентъ С—скій. Они принялись пить чай. Разговоръ, между прочимъ, перешелъ на женщинъ-врачей и на русскую молодежь. Докторъ П., маленькій, худенькій и довольно съ виду неопрятный человѣчекъ лѣтъ пятидесяти, все приставалъ ко мнѣ съ увѣреніями, что я непремѣнно должна презрительно относиться къ женскимъ рукодѣліямъ и къ домашнему хозяйству. И когда я ему заявила, что съ уваженіемъ отношусь ко всякому труду и даже горжусь тѣмъ, что умѣю порядочно стряпать, онъ очень удивился и снисходительно одобрилъ меня. На молодежь онъ нападалъ жестоко: и задорна-то она, и непочтительна, и легкомысленна, и проч., и проч., и проч. Онъ закончилъ слѣдующимъ примѣромъ негодности молодого поколѣнія: вотъ онъ, докторъ П., заслуженный человѣкъ, статскій совѣтникъ, а студенты

совсѣмъ этого въ разсчетъ не берутъ и обходятся съ нимъ чуть что не за панибрата. Послѣ этого С—скій не иначе обращался къ нему, какъ къ „его превосходительству“, но дѣлалъ это такъ юмористично, что я, не смотря на всякія правила благовоспитанности, не могла удержаться отъ смѣха. Статскій совѣтникъ при этомъ въ высшей степени уморительно ежился, не смѣя сердиться и не находя педагогичнымъ смѣяться. А С—скій былъ такъ милъ со своимъ добродушнымъ, веселымъ молодымъ задоромъ, что я раза два невольно вздохнула и подумала: „хотѣлось бы мнѣ имѣть такого славнаго сына“.

Въ восемь часовъ утра меня смѣнили. Я вернулась въ свою гостиницу, заказала себѣ къ двѣнадцати часамъ ванну, къ часу обѣдъ и принялась писать письма. Но мнѣ не дали дописать ни одного. Я еще не подозрѣвала тогда, что впослѣдствіи, при работѣ по деревнямъ, не то, что написать, но и прочитать письма будетъ некогда; иногда приходилось носить по три дня въ карманѣ нераспечатанныя письма.

Какъ бы то ни было, но я въ тотъ день писемъ не написала. Сначала пришли сестры Кол. и Павла Николаевна Ш. и объявили мнѣ, со словъ студента Бл—това, что составляется 10-й санитарный отрядъ, куда мы всѣ попадемъ. Завѣдывать имъ буду я, совмѣстно съ какимъ-нибудь студентомъ медицины, и въ составъ отряда войдутъ, помимо насъ, еще двѣ сестры милосердія, два санитара и двѣ санитарки.

Потомъ пришла сестра милосердія Ольга Алексѣевна, съ которою я познакомилась въ больницѣ, и сказала, что она и еще другая сестра, Анна Михайловна, назначены къ намъ въ отрядъ. Студентъ Б—товъ тоже зашелъ и сообщилъ, что насъ пошлютъ въ Ставропольскій уѣздъ, въ Чердаклинскую волость. Такъ время прошло до двѣнадцати часовъ, когда служанка пришла звать меня въ ванну. Вернувшись оттуда, я съ мокрыми волосами и въ ситцевомъ капотѣ усѣлась за обѣдъ: съ отъѣзда изъ Петербурга до настоящаго дня мнѣ приходилось питаться, главнымъ образомъ, чаемъ и закусками; тутъ я съ удовольствіемъ думала съѣсть тарелку горячихъ щей и принялась за нихъ съ аппетитомъ голоднаго человѣка... въ эту самую минуту ко мнѣ вихремъ ворвался студентъ Б—товъ.

— Скорѣе идите въ земскую управу, получайте тамъ инструкціи, бумаги и деньги... Съ семичасовымъ пароходомъ вы сегодня же должны выѣхать въ Ставропольскій уѣздъ...

— А пообѣдать можно?

— Конечно, нѣтъ! Вы едва успѣете все сдѣлать до семи часовъ, теперь уже два...

По уходѣ Б—това я отставила свою тарелку, кое-какъ надѣла шляпу на мокрые волосы и ватерпруфъ на ситцевый капотъ и поѣхала въ управу.

Въ управѣ уже были Надя и Соня Кол. и Павла Николаевна Ш. Меня тотчасъ познакомили съ студентомъ четвертаго курса дерптскаго университета, Ильею Александровичемъ З., назначеннымъ въ нашъ отрядъ.

Насъ довольно долго продержали въ управѣ, но наконецъ-таки выдали бумаги, инструкціи и деньги на прогоны и жалованье низшему санитарному персоналу. На всѣ расходы мы должны были представить впослѣдствіи оправдательные документы. Ѣздить намъ предоставлялось на земскихъ лошадяхъ, платя прогоны по три копѣйки съ лошади и съ версты. Бѣда была намъ потомъ съ неграмотными ямщиками, которые должны были росписываться въ полученіи прогонныхъ денегъ. Студенту и мнѣ полагалось по три лошади, фельдшерицамъ и сестрамъ милосердія по двѣ, а санитарамъ по одной.

Пока намъ писали бумаги, мы отошли отъ предсѣдательскаго стола. Фельдшерицы собрались у окна и что-то толковали между собою, а Илья Александровичъ подошелъ ко мнѣ. Мы разговорились. Оказалось, что онъ еще никогда не былъ ни въ какой деревнѣ не только русской, но и остзейской. Русскіе крестьяне представлялись ему грубыми и дикими варварами, и онъ смотрѣлъ на себя, отчасти какъ на героя, за то, что рѣшился ѣхать на эпидемію въ одну изъ русскихъ окраинъ. Онъ, впрочемъ, высказывалъ большую готовность работать, въ особенности въ обществѣ трудящихся женщинъ, и даже умилился, говоря о томъ, въ какихъ прекрасныхъ чертахъ представляетъ себѣ нашу будущую совмѣстную дѣятельность. Мы наймемъ большую общую квартиру: онъ и я будемъ посѣщать больныхъ и назначать имъ лѣкарства,—фельдшерицы будутъ разносить лѣкарства и поить ими больныхъ... Сестры милосердія займутся нашимъ хозяйствомъ и уходомъ за больными, а служителя и служительницы будутъ намъ прислуживать...

Представивъ себѣ такую идиллическую медицинскую колонію и зная, какъ далеки розовыя мечтанія Ильи Александровича отъ суровой дѣйствительности, ожидающей насъ, я не выдержала и разсмѣялась...

— Вы слышали,—сказала я,—что намъ поручаютъ треть Ставропольскаго уѣзда съ слишкомъ шестьюдесятью тысячами жителей... Намъ всѣмъ, вѣроятно, придется работать чуть не въ одиночку... И фельдшерицамъ, и сестрамъ милосердія придется дать самостоятельные пункты, куда намъ съ вами, Илья Алексадровичъ, нужно будетъ наѣзжать для контроля... Я думаю, что намъ будетъ вдоволь ѣзды въ тряскихъ тарантасахъ... А о хозяйствѣ нужно будетъ позабыть и благодарить Бога, когда у насъ помимо чая найдется какая-нибудь горячая и питательная пища... Не забудьте, что Ставропольскій уѣздъ пострадалъ и обѣд-

нѣлъ отъ неурожая 1891 г... Мы не вездѣ даже и молока найдемъ...

Хотя я сама въ то время была очень неопытна по отношенію къ условіямъ жизни на командировкахъ, но я очень многое слышала отъ сестеръ Кол., отъ г-жи X., ѣхавшей съ нами, и отъ молодой фельдшерицы Сони Г.

Илья Александровичъ съ недовѣрчивымъ удивленіемъ и нѣкоторымъ неудовольствіемъ смотрѣлъ на меня: онъ, кажется, вообразилъ, что я надъ нимъ подтруниваю и чуточку даже обидѣлся. Но тутъ насъ отпустили и мы пошли собираться въ дорогу.

Вернувшись въ гостиницу, я попросила горничную уложить мои вещи, пока я обѣдаю. Какъ ни мало ихъ было, я, тѣмъ не менѣе, часть ихъ оставила въ Самарѣ послѣ того, какъ убѣдилась, что мнѣ предстоитъ множество разъѣздовъ по требованіямъ населенія и властей. Вещи были живо уложены, извозчикъ призванъ, и я отправилась на Самолетскую пристань, куда попала какъ разъ во-время: второй свистокъ прозвучалъ въ ту минуту, когда я подъѣзжала къ пристани.

IV.

На пути въ Чердаклы.

На пароходѣ меня встрѣтили сестры Кол., Павла Николаевна Ш. и Илья Александровичъ. Сестеръ милосердія не было. Мы рѣшили ѣхать безъ нихъ, разсудивъ, что онѣ, быть можетъ, ѣдутъ на другомъ пароходѣ, а быть можетъ, имъ и назначеніе перемѣнили. Намъ сказано ѣхать на такомъ-то пароходѣ, въ такомъ-то часу и туда-то—остается только исполнить это; а потомъ посмотримъ, что будетъ: если сестры пріѣдутъ—прекрасно; если не пріѣдутъ и мы не обойдемся безъ ихъ помощи, то напишемъ объ этомъ въ управу и намъ навѣрное вышлютъ подкрѣпленіе. Порѣшивъ съ этимъ вопросомъ, мы отправились въ третій классъ знакомиться съ нашимъ низшимъ персоналомъ. Въ управѣ намъ выдали билеты второго класса и сказали, что съ нами ѣдутъ два служителя и двѣ санитарки и отправляется до двадцати шести пудовъ лѣкарствъ и дезинфекціонныхъ средствъ.

Мы скоро разыскали своихъ людей. Одинъ изъ служителей былъ еще совсѣмъ молодой парень по имени Митрофанъ: румяный, толстомордый, весь въ веснушкахъ, съ вьющимися рыжеватыми волосами и голубыми глазами. Борода у него еще не пробивалась. Лицо его, по своему выраженію, напоминало морду толстаго, добродушнаго щенка, еще не помышляющаго о томъ, что на свѣтѣ существуетъ зло. Второй служитель, высокаго роста и худощавый, напоминалъ не то оффиціанта въ желѣзнодорожномъ буфетѣ, не то сидѣльца въ кабакѣ, не то полового въ про-

винціальной гостиницѣ... и все это было приправлено нѣкоторою долею военной выправки. Потомъ оказалось, что онъ былъ дѣйствительно и половымъ, и сидѣльцемъ, и солдатомъ. Лѣтъ ему было около тридцати пяти. Благообразное лицо его, продолговатое и блѣдное, вполнѣ подходило къ его узкимъ плечамъ и нѣсколько впалой груди. Волосы у него были темно-русые, манеры подобострастныя, голосъ мягкій. Звали его Степаномъ. Одѣтъ онъ былъ довольно чисто: въ черный сюртукъ, надѣтый на вышитую рубаху-косоворотку. Митрофанъ былъ въ красной рубахѣ и сѣромъ крестьянскомъ армякѣ.

Сидѣлки, Аннушка и Авдотья, тоже не походили одна на другую. Аннушка, солдатка лѣтъ тридцати, чрезвычайно мнѣ понравилась. Она была стройная миловидная бабенка, съ быстрыми черными глазами и тонкими чертами смуглаго лица, нѣсколько тронутаго оспою, однако, тѣмъ не менѣе, красиваго и симпатичнаго, въ особенности, когда она смѣялась и блестѣли ея ровные бѣлые зубы. Въ ней что-то напоминало цыганку. Сидѣлка Авдотья, женщина лѣтъ пятидесяти, представляла нѣкоторое подобіе гиппопотама по сравненію съ Аннушкой. Такихъ бабъ особенно много въ провинціальныхъ пригородахъ, гдѣ онѣ продаютъ сѣмечки, рожки, сухіе пряники и черствыя булки, сидя гдѣ-нибудь на перекресткѣ двухъ захолустныхъ улицъ. Пухлое и блѣдное лицо Авдотьи, съ неоформленными чертами и маленькими безцвѣтными глазами, ничего не выражало: ни ума, ни глупости... И вообще, о ней только можно было сказать: толстая, пожилая баба—и больше ничего.

Познакомившись со своими санитарами, мы вернулись въ дамскую каюту второго класса; тамъ никакихъ пассажировъ помимо насъ не было, и поэтому Илья Александровичъ могъ просидѣть съ нами весь вечеръ, который прошелъ въ томъ, что мы старались ближе познакомиться другъ съ другомъ и переговорить насчетъ тѣхъ методовъ лѣченья холеры, которые намъ были извѣстны. Я прямо созналась своимъ помощникамъ, что о холерѣ знаю только то, что прочла въ книгахъ, слышала въ Александровскомъ баракѣ и видѣла въ теченіе однѣхъ сутокъ въ Самарѣ; затѣмъ я сказала имъ, что, по моему мнѣнію, мы должны исполнять свою работу, такъ сказать, по-товарищески, коллегіально,—что никакого начальническаго отношенія я къ нимъ имѣть не желаю, а только прошу ихъ сообразоваться съ моими начинаніями и совѣтами въ виду того, что главная отвѣтственность за дѣйствія 10-го санитарнаго отряда будетъ лежать на мнѣ.

Въ общемъ мы, кажется, всѣ остались довольны другъ другомъ, только Илья Александровичъ, повидимому, недоумѣвалъ, слыша наши разсужденія. Онъ никакъ не могъ сначала взять въ толкъ ни отношеній нашихъ другъ къ другу, ни взгляда на-

шего на русскаго крестьянина, который, по нашему разумѣнію, представляетъ извѣстную величину, нравственную и умственную, заслуживающую быть принятою въ расчетъ. Ему казалось въ высшей степени страннымъ, что нужно будетъ не приказывать, а убѣждать и даже просить. Его мнѣніе было такое, что слѣдуетъ „приказать“, а если приказъ не будетъ исполненъ, то привлечь къ дѣлу начальство. И когда я объяснила ему, что въ нашемъ положеніи придется выказывать „мудрость змія и кротость голубя“, онъ возмутился и попросилъ меня прочесть вслухъ данныя намъ бумаги. Онѣ представляли предписанія полицейскимъ и прочимъ гражданскимъ властямъ оказывать намъ всякую помощь и покровительство; что же касается сельской полиціи и волостныхъ старшинъ, то имъ предписывалось повиноваться нашимъ распоряженіямъ, касавшимся санитарнаго положенія края.

Я прочла все это вслухъ и сказала: тѣмъ не менѣе мы должны дать себѣ слово, какія бы затрудненія ни встрѣтились намъ, не прибѣвать къ крутымъ мѣрамъ. Я, напримѣръ, даже въ случаѣ опасности, грозящей нашей жизни, не сочла бы возможнымъ прибѣгать къ помощи вооруженной силы. Вы не знаете, какъ тяжело ложится все это на населеніе... Кромѣ того, всякія жалобы начальству могутъ вызывать въ населеніи только озлобленіе противъ интеллигенціи, которая, въ особенности въ настоящее время, этого не заслуживаетъ, помогая народу во всѣхъ его нуждахъ, вызванныхъ неурожаемъ, безработицею и болѣзнью.

— Если на меня нападетъ отдѣльный человѣкъ,—говорилъ Илья Александровичъ: я отдѣлаюсь отъ него револьверомъ... Если мнѣ станетъ грозить толпа, я пошлю за казаками.

— Раньше, чѣмъ вы успѣете вынуть револьверъ изъ кармана, васъ огрѣютъ дубиной... И задолго до пріѣзда казаковъ все будетъ кончено такъ или иначе... Бросьте всѣ эти мысли, Илья Александровичъ,—уговаривала я его,—поймите, что народъ въ отчаяніи: съ одной стороны, неурожай и нужда, отъ которыхъ онъ только что начинаетъ оправляться... съ другой—это тяжкая Божія кара—эпидемія. Возьмите въ расчетъ умственную темноту, предразсудки, ужасъ народа передъ тяжелою и непонятною болѣзнью... Вспомните, что мы пришли лѣчить, помогать, успокаивать... Если мы не сумѣемъ вести себя, какъ умные люди, отбросившіе всякую эгоистическую заботу о себѣ и преданные одному только любимому дѣлу, и возстановимъ противъ себя населеніе, то вина будетъ прямо наша и мы понесемъ заслуженную кару, чтобы съ нами ни сдѣлали... Казаки насъ не спасутъ... Что же касается вашего револьвера... такъ я думаю, что вы имъ себя не защитите, а насъ, женщинъ, только подведете подъ обухъ... Васъ, мужчинъ, крестьяне опасаются, — мы же пользуемся въ этомъ отношеніи преимуществомъ... Народъ въ бабъ, знахарокъ вѣритъ,—и въ древности были бабы-вѣдуньи, лѣчившія народъ.—

Но если вы въ нашемъ присутствіи будете въ кого-нибудь стрѣлять, такъ не сдобровать и намъ: поэтому, ради насъ, принесите жертву и поѣзжайте невооруженный!..

Всѣ разсмѣялись, а Илья Александровичъ сдался на послѣдній аргументъ и обѣщалъ мнѣ оставить свой револьверъ въ Симбирскѣ. Я также попросила его оставить тамъ новую шляпу цилиндръ, взятую имъ съ собою. Онъ согласился и на эту жертву. Затѣмъ всѣ разошлись. Не знаю, какъ другіе, — но я проспала всю ночь, какъ убитая, и, наконецъ, отдохнула отъ пятидневной усталости.

Назначенное, какъ центральный пунктъ района дѣятельности нашего отряда, село Чердаклы, или по народному „Чердаки", находится въ 250 верстахъ отъ Самары. Мы ѣхали туда вверхъ по Волгѣ до Симбирска, гдѣ должны были сойти съ парохода, переѣхать Волгу и высадиться въ одномъ изъ находящихся на противоположномъ берегу пригородовъ Симбирска — Часовнѣ, громадномъ селѣ, смежномъ съ четырьмя другими деревнями: постройки этихъ селеній непрерывно тянутся на шесть верстъ вдоль большой дороги по берегу Волги. Симбирская губернія зачѣмъ-то перекинулась за Волгу и короткимъ клиномъ врѣзалась въ Самарскую. Упоминаю объ этомъ, главнымъ образомъ, потому, что этотъ уголокъ Симбирской губерніи являлся большимъ неудобствомъ для насъ. Мы до Чердаклов должны были ѣхать на лошадяхъ, и такъ какъ Часовня была въ другой губерніи, то никакія земскія бумаги не могли помочь намъ найти людей или лошадей иначе, какъ на условіяхъ, общихъ для всѣхъ частныхъ нанимателей. Часовенскіе мѣщане и ямщики брали съ насъ, что хотѣли, зная, что мы „должны" ѣхать спѣшно и срочно. Они даже считали себя въ правѣ дѣлать это: вѣдь мы тратили „казенныя деньги", а кто же „казеннаго" жалѣетъ! Иногда, впрочемъ, на насъ косились за то, что мы „самарскіе", а не „симбирскіе", и заставляли дороже платить по этой причинѣ. Что касается правительственной почты, находящейся въ Часовнѣ, то тамъ всего три-четыре лошади, которыя почти всегда въ разгонѣ.

Пріѣхавъ въ Симбирскъ, мы отправились за своими покупками. Затѣмъ сошли внизъ къ пристани и сѣли на пароходикъ, перевозящій публику изъ Симбирска въ Часовню. Въ Часовнѣ наши пожитки выгрузили на песчаный берегъ, включая сюда и ящики съ лѣкарствами и бочку неочищенной карболки. Мы всѣ отъ глубины души вздохнули, вообразивъ, что дорожныя мученія кончились... Не знали мы, что тутъ только они и начались по настоящему. Не имѣя понятія о томъ, что мы еще находимся въ Симбирской губерніи, мы потребовали земскихъ лошадей, показывая проѣздные листы, выданные намъ въ Самарѣ. Намъ отвѣтили, что земской почты нѣтъ для насъ „самарцевъ", а есть почта казенная, но тамъ теперь лошадей нѣтъ... и если мы же-

лаемъ ѣхать куда-нибудь, то можемъ нанять вольныхъ ямщиковъ. Всѣ эти свѣдѣнія мы получили отъ самихъ вольныхъ ямщиковъ, толпившихся вокругъ насъ на берегу. Пришлось долго торговаться и сердиться, пока мы не договорили нужнаго количества тарантасовъ и телѣгъ. Да и ѣхать соглашались не тотчасъ, а приведши лошадей изъ поля и накормивши ихъ. Что было дѣлать: въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не пойдешь! Соскучившись сидѣть на бревнахъ на берегу и проголодавшись, мы отправились на казенную почту въ комнату для пріѣзжающихъ. Тамъ насъ въ высшей степени ласково приняла семья почтмейстера, старика Коз. Но объ этихъ добрыхъ людяхъ мнѣ еще придется не разъ упомянуть.

Наконецъ, намъ подали лошадей. Я предложила фельдшерицамъ ѣхать впердъ и взять съ собою Авдотью; мы съ Ильею Александровичемъ остались, чтобы присмотрѣть за укладкой и отправкой лѣкарствъ.

Илья Александровичъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія ни о дорогахъ, ни объ ямщикахъ, ни объ укладкѣ вещей на телѣгахъ. Вся забота объ отправкѣ лѣкарствъ выпала на мою долю... Мнѣ до сихъ поръ непріятно вспоминать обо всей этой возьнѣ и переговорахъ съ подвыпившими мужиками. Наконецъ, все было сдѣлано и подводы съ вещами потянулись по дорогѣ подъ присмотромъ Степана и Митрофана. Уѣхали и мы съ Ильею Александровичемъ, прихвативъ съ собою Аннушку. Догнать фельдшерицъ намъ не удалось.

V.

Въ Чердаклахъ.

Я до сихъ поръ еще не видѣла ни одной степной деревни, помимо Часовни, которая въ сущности не деревня, а пригородъ Симбирска. Поэтому Чердаклы прежде всего удивили меня своимъ протяженіемъ. Грязныя улицы села, окаймленныя низенькими, темными и покосившимися домишками, тянулись во всѣ стороны, какъ длинныя ноги паука-косача. Чистые домики, кирпичныя двухъ-этажныя избы находились ближе къ серединѣ деревни, гдѣ на площади возвышалась церковь-соборъ. И все это смотрѣло не по нашему, не по сѣверному, можетъ быть потому, что надворныя постройки состояли изъ густой ивовой плетенки, очень, впрочемъ, искусной; кое-гдѣ онѣ были обмазаны глиной и густо повиты ипомэей, т. е. вьюнками съ большими бѣлыми колокольчиками. Вдоль заборовъ росъ высокій бурьянъ, вездѣ разстилался коверъ кольчика (низкій сортъ мальвы),—наслажденіе дѣтей въ Малороссіи: они ѣдятъ его слизистыя сѣмена.

Насъ провезли только по краю деревни и тотчасъ повернули

за околицу, гдѣ лошади и колеса начали вязнуть въ сыпучемъ пескѣ, сразу смѣнившемъ черноземную, сырую и грязную дорогу, и мы подъѣхали къ почти новому желтому зданію, крытому желѣзомъ и огороженному деревяннымъ заборомъ. За заборомъ рядомъ съ главнымъ зданіемъ былъ снова маленькій домикъ; вправо, поодаль, большой флигель; позади—различныя службы. Намъ сказали, что это земская больница. Вокругъ больницы былъ песчаный пустырь, по которому только что съ трудомъ проползли наши лошади,—онъ отдѣлялъ больницу отъ деревни, и представлялъ отлогій холмъ, спускавшійся къ какой-то водѣ—не то пруду, не то широкой лужѣ, не то медленно текущему разлившемуся ручью; лужа была окружена домами и домишками.

Сойдя съ тарантаса (я давно въ нихъ не ѣздила), я чувствовала себя совсѣмъ разбитой. Теперь, послѣ того, какъ я лѣтъ десять прокаталась на перекладныхъ, иногда по двое сутокъ безъ отдыха, сходя съ экипажа только, чтобы осмотрѣть больного,—я даже удивляюсь своей тогдашней усталости и приписываю ее, главнымъ образомъ, душевному волненію, которое тогда испытывала. Я едва сошла съ экипажа и едва дотащилась до пріемной больницы. Тамъ меня встрѣтили всѣ наши и объявили, что меня приглашаетъ обѣдать больничный врачъ, докторъ П., и что мои фельдшерицы уже успѣли навлечь на себя его неудовольствіе. Это послѣднее меня и огорчило, и удивило. Оказалось, что докторъ П. принялъ отрядъ любезно, сказалъ, что очень доволенъ тѣмъ, что земство, наконецъ, откликнулось на его просьбу объ усиленіи медицинской помощи въ его участкѣ, и что онъ тотчасъ-же командируетъ часть отряда въ деревню Старый Урень, гдѣ сильно развилась эпидемія. На это фельдшерицы отвѣтили, что при всей своей готовности работать вездѣ, гдѣ это будетъ нужно, онѣ должны дождаться моего пріѣзда и я уже, какъ завѣдующая отрядомъ, распоряжусь, куда ихъ послать. На это докторъ и разсердился. И фельдшерицы корректны и докторъ ни въ чемъ не виноватъ, а между тѣмъ вотъ уже непріятное столкновеніе, раньше даже, чѣмъ кто-нибудь принялся за какое-бы то ни было дѣло! Докторъ П. принялъ меня немножко покровительственно и довольно сухо; все, однако, уладилось послѣ того, какъ я заявила, что мы будемъ только благодарны ему, если онъ возьмется указывать намъ тѣ мѣста, куда намъ ѣхать: мы здѣсь чужіе, онъ хозяинъ участка и мы рады руководствоваться его болѣе близкимъ знакомствомъ съ нуждами населенія. Подъ конецъ обѣда докторъ П. оттаялъ, заговорилъ потоварищески и посовѣтовалъ мнѣ раздѣлить отрядъ на нѣсколько частей; онъ записалъ названія деревень, куда нужно направить эти части и попросилъ меня самоё съ нѣкоторыми помощниками ѣхать въ Старый Урѣнь. Между прочимъ, онъ также просилъ меня наблюдать за его фельдшерами и сестрами милосердія,

находящимися въ деревняхъ по сосѣдству со Старымъ-Уренѐмъ Я также поручила ему приглядывать за моимъ персоналомъ, если онъ будетъ имѣть случай проѣзжать по тѣмъ деревнямъ, куда мы направимъ части 10-го санитарнаго отряда. Мы разстались съ докторомъ—если и не друзьями, то во всякомъ случаѣ дружелюбно.

Вернувшись въ больницу, я застала своихъ фельдшерицъ за работою. Онѣ распаковали ящики съ лѣкарствами, чтобы разсмотрѣть, что намъ дали и въ какомъ это видѣ прибыло. Кромѣ того, нужно было размѣстить лѣкарства въ болѣе удобные для переноски склянки и устроить для всѣхъ насъ походныя аптечки. Такъ какъ по совѣту доктора П. я рѣшила раздѣлить отрядъ на части, то лѣкарства также нужно было раздѣлить. Оказывалось, что намъ не дали никакой стекляной посуды: намъ приходилось обратиться къ доктору П. съ просьбою снабдить насъ банками и склянками; хотя и поморщившись, онъ, однако, нашу просьбу исполнилъ.

Мы рѣшили устроиться слѣдующимъ образомъ: Илья Александровичъ долженъ былъ отправиться въ Бѣлый Яръ, гдѣ до сихъ поръ находился одинъ только санитарный фельдшеръ; между тѣмъ это селеніе, расположенное на Волгѣ, представляетъ значительный торговый центръ и тамъ крайне необходимо было врачебное наблюденіе. Остальная часть отряда, пока что, должна была отправиться въ Старый Урѐнь вмѣстѣ со мною. Мы надѣялись, что въ сутки разберемся съ лѣкарствами и дождемся опоздавшихъ сестеръ милосердія.

На слѣдующій день я опять была у доктора П., чтобы переговорить о нѣкоторыхъ мѣрахъ, которыя нужно было принять, когда мнѣ пришли сказать, что пріѣхали двѣ сестры милосердія. Я тотчасъ пошла къ нимъ. Онѣ сидѣли въ пріемной больницы, въ сторонкѣ у окна, между тѣмъ какъ Илья Александровичъ и фельдшерицы, съ помощью низшаго санитарнаго персонала, все еще возились съ лѣкарствами. Сестры милосердія, въ особенности Ольга Алексѣевна, казались надутыми и недовольными, а мои товарищи сконфуженными. Поздоровавшись съ сестрами, я выслушала объясненіе Ольги Алексѣевны о томъ, что онѣ опоздали на пароходъ потому, что ихъ поздно извѣстили о назначеніи: „я пріѣхала изъ Петербурга во главѣ отряда изъ двѣнадцати сестеръ“, говорила она: „на мнѣ лежала и нравственная, и матеріальная отвѣтственность. Я должна была передать деньги и счета отряда другой сестрѣ и потому не успѣла попасть на тотъ пароходъ, на которомъ вы уѣхали“...

Я стала помогать въ разливкѣ и развѣскѣ лѣкарствъ и пригласила сестеръ принять участіе въ нашей работѣ. Черезъ нѣсколько времени Илья Александровичъ вызвалъ меня въ другую

комнату: „это какія-то *нахальки,* а не сестры милосердія“, сказалъ онъ: „онѣ начали браниться на наши вѣжливости“...

Оказалось, что на привѣтливый вопросъ моихъ товарищей, какъ это случилось, что сестры такъ запоздали?—Ольга Алексѣевна рѣзко отвѣтила, что обязана отчетомъ въ своихъ дѣйствіяхъ только врачамъ, съ которыми работаетъ; чѣмъ въ высшей степени смутила и фельдшерицъ, и въ особенности добродушнаго Илью Александровича, такъ какъ вопросъ ихъ выражалъ только участіе и опасеніе, не подверглись ли сестры какимъ-нибудь непріятнымъ случайностямъ, заставившимъ ихъ опоздать.

Вотъ, думалось мнѣ, опять столкновеніе: является рознь въ отрядѣ, еще не успѣвшемъ приняться за дѣло. Съ докторомъ П., слава Богу, все улажено, но удастся ли это съ сестрами? Теперь, однако, онѣ усердно разливали и развѣшивали лѣкарства вмѣстѣ съ остальными. Я сказала имъ о томъ, что у насъ рѣшено, и прибавила, что хотя теперь имъ, по всей вѣроятности, придется ѣхать съ нами въ Старый Урѣнь, но что впослѣдствіи, если докторъ П. извѣститъ насъ о заболѣваніяхъ еще въ какихъ-нибудь деревняхъ, я ихъ пошлю на самостоятельный пунктъ,—на что Ольга Алексѣевна отвѣтила, что она съ тѣмъ и ѣхала, чтобы самостоятельно работать, такъ какъ она къ этому давно привыкла. Другая сестра почти ничего не говорила, но очень усердно работала. Что касается Ольги Алексѣевны, то, разъ заговоривъ, она болѣе не умолкала и непомѣрно утомила меня своей болтовней по-русски, по-нѣмецки и по-французски; на иностранныхъ языкахъ она говорила недурно.

Мы прожили около трехъ сутокъ въ Чердаклахъ, пока управились съ лѣкарствами и цѣлесообразно упаковали ихъ. На вторыя сутки Илья Александровичъ отправился въ Бѣлый Яръ, взявъ съ собою Авдотью для ухода за больными женщинами.

Затѣмъ и мы, т. е. остальная часть 10-го санитарнаго отряда, направились въ Старый Урѣнь, гдѣ насъ ожидала уже настоящая работа, и гдѣ мы должны были, наконецъ, стать лицомъ къ лицу съ страшнымъ бичомъ, холерой, въ той обстановкѣ и въ тѣхъ условіяхъ, гдѣ этотъ бичъ казался всего грознѣе.

VI.

Въ Старомъ Урѣнѣ.

Наконецъ, мы въ Старомъ Урѣнѣ. Изъ Чердакловъ сюда мы ѣхали все степью; наступалъ уже конецъ августа, рожь вездѣ была сжата; кое-гдѣ еще на поляхъ остались яровые хлѣба, а также подсолнухи и картофель. Погода стояла отличная, но днемъ еще было слишкомъ жарко для насъ, сѣверянъ.

Деревни, которыя изрѣдка попадались намъ, поражали меня

шириною своихъ улицъ; это были не улицы, а луга, ярко зеленые и густо поросшіе гусиной травкой. Поражало меня и безлюдье улицъ; рѣдко, рѣдко поднимется, бывало, опускное оконце и оттуда выглянетъ чье-нибудь лицо, угрюмое, печальное, съ злыми и испуганными глазами. Ни говора, ни пѣсни, ни смѣха, ни ссоры даже, только собаки встрѣчаютъ и провожаютъ васъ яростнымъ и неумолчнымъ лаемъ... И вы чувствуете, что тутъ хозяевами гладъ и моръ...

Теперь даже отдѣльныя черты всей этой картины, также, какъ и общій видъ ея, стоятъ передъ моими глазами ясно и отчетливо, не смотря на то, что позднѣе, когда острыя бѣды населенія кончились, я увидѣла совершенно иное; тогда же, будучи въ первый разъ въ томъ краю и не зная его характера, я, тѣмъ не менѣе, невольно почуяла во всемъ этомъ что-то недоброе.

Ямщики привезли насъ въ Старомъ Уренѣ на въѣзжую. Хозяева въѣзжей приняли насъ не могу сказать, чтобы особенно ласково, но и не враждебно. Въѣзжая представляла двойную избу, раздѣленную холодными сѣнями, изъ которыхъ былъ выходъ на огороженный плетенымъ заборомъ довольно тѣсный и грязный дворъ; одна сторона его была занята плетеными-же хлѣвами и навѣсами; на право отъ сѣней была черная, налѣво чистая изба.

Въѣзжая была очень тѣсна, мы и задумались, какъ намъ всѣмъ размѣститься въ ней. Служителей мы отправимъ въ черную избу; но три фельдшерицы, двѣ сестры милосердія, двѣ сидѣлки и я—вотъ уже семь человѣкъ... если мы даже въ повалку ляжемъ на полу рядомъ, такъ и то не помѣстимся... Хозяева, видя наше раздумье и отчасти понимая его, любезно замѣтили, что они уйдутъ на печку — ихъ было двое, мужъ и жена... а мы ихъ сожительства съ нами въ одномъ помѣщеніи и не предполагали... Мыслимо-ли было девяти человѣкамъ ночевать въ избѣ, имѣвшей трехсаженный фасадъ, три сажени въ глубину, низкій потолокъ, печку, занимавшую почти четверть всего пространства—да къ тому же еще ежедневную топку! Далѣе, куда намъ помѣстить лѣкарства? Оставить ихъ гдѣ-нибудь подъ навѣсомъ въ незапирающихся ящикахъ, на произволъ судьбы, пока мы будемъ ходить по больнымъ,—невозможно; караулить ихъ тоже некому. Признаюсь, я на минуту смутилась, не видя исхода, такъ какъ меня предупреждали, что въ свои избы крестьяне ни за что насъ на житье не пустятъ. Но дѣло, однако, уладилось. Прежде всего сестры милосердія заявили, что онѣ здѣсь не останутся, такъ какъ для нихъ это было-бы слишкомъ неудобно и безпокойно, и что онѣ найдутъ себѣ отдѣльную квартиру; затѣмъ хозяева, которымъ мы обѣщали приплачивать три рубля въ мѣсяцъ, уступили намъ холодную кладовушку въ сѣняхъ для помѣ-

щенія лѣкарствъ.—Эту кладовую съ полками по стѣнамъ мы потомъ преобразили въ аптеку, очень удобную въ томъ отношеніи, что она запиралась на замокъ; кромѣ того, хозяева согласились предоставить намъ чистую избу въ полное владѣніе и перейти въ черную половину. Пишу обо всѣмъ этомъ такъ подробно потому, что въ каждой деревнѣ, куда мы пріѣзжали, намъ приходилось встрѣчаться съ тѣми-же затрудненіями и вести тѣ-же переговоры, которые иногда ни къ чему ни приводили; намъ случалось останавливаться и жить въ теченіе нѣсколькихъ дней въ избахъ, гдѣ ночевало человѣкъ пять хозяевъ: мужиковъ, бабъ и ребятъ; и мы, послѣ шестнадцати — восемнадцати-часового трудового дня, не могли даже раздѣться и порядочно умыться. Спали мы почти всегда на полу, на какихъ-нибудь пальто и платкахъ; иногда удавалось достать сѣна или соломы... но случалось, что мы и вовсе не ложились по двѣ и три ночи, когда дѣла было слишкомъ много... Ѣли мы, что Богъ послалъ: молоко, яйца, картофель, черный хлѣбъ, платя за все втридорога; когда случалось купить мяса, то варили супъ, но чаще пили чай, когда хотѣлось горячаго. Прибавлю, что всѣ мы это переносили очень легко, никто не хворалъ и всѣ были бодры. Что касается меня, то никогда у меня не было ни лучшаго сна, ни лучшаго аппетита, какъ на командировкахъ. Каждый кусокъ, который я съѣдала, каждый глотокъ, который выпивала,—казались вкусны; сонъ на полу, на жесткой лавкѣ—являлся не только отдыхомъ, но наслажденіемъ. Поэтому нечего толковать о лишеніяхъ, о самоотреченіи и т. д. Народъ, во время эпидеміи, терпѣлъ несравненно болѣе лишеній, чѣмъ мы, даже при тѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, при которыхъ мы находились. Одно, что было трудно, это постоянное умственное и нравственное напряженіе при работѣ—его нельзя-бы было вынести болѣе двухъ-трехъ мѣсяцевъ; оно непремѣнно повело-бы къ какому нибудь тяжелому нервному или психическому заболѣванію, если-бы было продолжительно, даже при условіи той физической бодрости, которую мы всѣ вообще чувствовали.

Водвореніе наше на взъѣзжей въ Старомъ Уренѣ взяло сравнительно очень мало времени послѣ того, какъ мы окончательно сговорились съ хозяевами; ящики съ лѣкарствами мы поставили въ кладовую, а наши чемоданы и корзинки внесли въ избу, — затѣмъ раскрыли ящикъ и достали походныя аптечки; пока шли переговоры съ хозяевами, Аннушка приготовила самоваръ, чтобы мы могли напиться чаю до обхода больныхъ. Тотчасъ по пріѣздѣ я послала за старостой, бывшимъ въ полѣ. Когда онъ пришелъ, я показала ему наши бумаги и попросила его указать намъ тѣхъ людей, которые желаютъ нашей помощи. Со старостой пришло двое мужиковъ, вооруженныхъ длинными тонкими жердями; они не входили въ избу, но остались на крыльцѣ—намъ сказали, что эти люди будутъ провожать насъ

по деревнѣ и отгонять своими жердями злыхъ деревенскихъ собакъ. Староста изъявилъ готовность самъ сегодня повести насъ по избамъ. Мы надѣли бѣлые передники, повязали голову бѣлыми платками, захватили корзиночки съ походными аптечками и отправились. Софья Яковлевна осталась, чтобы разобрать лѣкарства,—сидѣлкамъ было поручено привести въ порядокъ предметы нашего домашняго обихода и помогать Софьѣ Яковлевнѣ.

Деревня тянулась одной длинной улицей по склону отлогаго холма и оканчивалась у топкаго луга. Наша взъѣзжая и три другія избы, примыкавшія къ ней, стояли почти посрединѣ деревни, отдѣляясь отъ остальныхъ дворовъ двумя, шедшими слѣва и справа, прогонами, служившими выѣздомъ изъ селенія и въѣздомъ въ него; они вели къ мосту черезъ рѣчку Урень и примыкали къ дорогѣ въ село Рѣпьевку. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нашего дома, по направленію къ вершинѣ холма, на которомъ стоитъ Старый Урень, улица была перегорожена во всю ширину жердями, поддерживаемыми ко́злами изъ тонкихъ колышковъ.

— Зачѣмъ тамъ перегородили?—спросила я старосту.

— А чтобы съ этого конца деревни туда никто не ходилъ. На горѣ живутъ богачи—у нихъ хвори нѣтъ. Подъ горой живутъ бѣдные, хворь здѣсь на концѣ улицы, на болотѣ... Теперь и на середину деревни отъ болота подвигаться стала... Вотъ богачи на свою сторону никого отсюда и не пускаютъ, чтобы къ нимъ кто не занесъ болѣзни.

Староста началъ обходъ по больнымъ съ того, что повелъ насъ на самый край деревни, на болото. Справа и слѣва отъ насъ шли мужики съ жердями. Начинало смеркаться. Широкая улица точно вымерла—ни души не было видно на ней, только собаки выскакивали чуть не изъ каждаго двора: бѣлесоватыя, худыя, длинныя, высокія, косматыя... онѣ озлобленно лаяли, бросались къ намъ какъ будто съ намѣреніемъ изорвать въ клочки всякаго, кто попадется, и натыкались на жерди нашихъ провожатыхъ, причемъ, инымъ жестоко попадало, такъ что онѣ съ жалобнымъ визгомъ убѣгали, уступая мѣсто новымъ стаямъ. Жутко становилось отъ всего этого! Отъ этого безлюдья, отъ надвигавшихся туманныхъ сумерекъ, отъ призрачныхъ силуэтовъ разъяренныхъ животныхъ и отъ мысли, что кругомъ въ душныхъ темныхъ избахъ сидятъ уныло несчастные люди, незримо слѣдящіе за нами и не только не ожидающіе помощи отъ насъ, но чувствующіе страхъ и ненависть къ намъ уже за одно то, что мы проходимъ мимо ихъ домовъ. Я слышала, что крестьяне говорятъ: „такая или такой-то заболѣлъ послѣ того, какъ милосердная сестра прошла мимо его дома“.

Мало-по-малу въ окнахъ начали мерцать огоньки. Пройдя всю деревню, мы пришли къ крайней избушкѣ, стоявшей почти совсѣмъ на болотѣ. Староста не вошелъ въ избу, провожатые

тоже остались на улицѣ, я вошла... и никогда не забуду того, что увидѣла.

Крошечная, низкая, курная изба: на дырявомъ, грязномъ полу вороха гнилой и мокрой соломы, на которой пластомъ лежатъ трое синевато-блѣдныхъ дѣтей. Направо, на залавкѣ женщина... нѣтъ, не женщина, а что-то едва похожее на человѣческое живое существо: щеки ввалились и пышутъ горячечнымъ жаромъ, глаза полуоткрыты,— взоръ ихъ безсмысленъ; носъ обострился, судорожно раздутыя ноздри внутри черны отъ насѣвшей сажи... ротъ открытъ, запекшіяся губы, углы рта и обнаженные зубы тоже черны отъ сажи. Больная лежитъ, какъ-то неестественно изогнувшись и закинувъ назадъ голову; она не стонетъ, но только что-то жалобно мычитъ. Налѣво, у печки, копошится высокій, сгорбленный и неопрятный старикъ; въ рукахъ онъ держитъ маленькую коптящую керосиновую лампочку безъ стекла—и при красноватомъ и дымномъ свѣтѣ ея я вижу, что сѣдая и всклокоченная борода его мокра отъ рвоты...

Стѣны избы покрыты тараканами; въ ней такъ тѣсно, что повернуться негдѣ. Когда я все это увидѣла, мнѣ сдавило грудь и горло и въ глазахъ стало горячо. Меня охватила жалость, такая жалость, что я все на свѣтѣ забыла, кромѣ этихъ дѣтей, этой женщины, этого старика. Я стала на колѣни, наклонилась къ дѣтямъ и принялась ихъ осматривать. Мальчикъ былъ, повидимому, лѣтъ восьми, одна дѣвочка пяти, а другая трехъ лѣтъ. Можно себѣ представить мой ужасъ, когда изъ осмотра и разспросовъ я убѣдилась, что дѣти уже не больны холерой, *но умираютъ* отъ голода. Я тотчасъ поручила ихъ сестрѣ Аннѣ Михайловнѣ, которая напоила ихъ молокомъ и сварила для нихъ тутъ же манной каши и бульона; прибавлю, что на другой день оба старшихъ уже безпечно играли на улицѣ; меньшая дѣвочка, Нюта, хворала еще три недѣли; впрочемъ, и она поправилась.

Не то было съ матерью; сначала она болѣла холерой, которая теперь перешла въ холерный тифоидъ. Мы ее обмыли, передѣли, уложили покойнѣе и употребляли всякія средства, чтобы поддержать ея силы, но ничто не помогало, и на девятый день нашего пребыванія въ Старомъ Уренѣ она умерла. Судьба этой женщины, — звали ее Мариной, — была ужасна. Мужа ея мы не застали въ живыхъ, но когда она и дѣти заболѣли, онъ еще былъ здоровъ и ходилъ за ними, топилъ печку, варилъ пищу, носилъ воду и еще работалъ въ полѣ. Наконецъ, онъ почувствовалъ, что самъ заболѣваетъ; онъ перемогался нѣкоторое время, а когда силъ не стало и онъ понялъ, что тоже сляжетъ, то снялъ съ себя ременный поясъ и тутъ же, на глазахъ больной жены и дѣтей, удавился. Марина послѣ этого впала въ безпамятство и больше не приходила въ себя до самой смерти. Старикъ, котораго мы застали въ избѣ Марины, былъ ей чужой. Въ моей па-

мяти навсегда сохранится печальный обликъ этого безыменнаго труженика-героя. Это былъ одинокій человѣкъ, имѣвшій только одного уже женатаго сына, который не жилъ съ нимъ. Когда начались холерныя заболѣванія въ Старомъ Уренѣ, страшно пугавшія крестьянъ—пугавшія ихъ до того, что они бѣжали отъ больныхъ, оставляя ихъ на произволъ судьбы,—старикъ началъ ухаживать за покинутыми. Ухаживая за Мариной и ея семьей, онъ заболѣлъ и скоро умеръ. Какъ крестьяне боялись холеры—это даже представить себѣ трудно. Что обходили домъ Марины—еще понятно: тамъ только-что совершилось самоубійство. Но приходилось встрѣчать и такія картины: пустая изба на замкѣ и въ ней на полу мучится въ холерныхъ корчахъ голый человѣкъ. Семья ушла, унеся съ собою имущество и даже снявъ одежду съ больного, потому что: „вы (т. е. доктора) все это жечь будете!“ Стоило большого труда убѣдить крестьянъ, что мы ничего жечь не собираемся.

Послѣ смерти Марины дѣтей ея роздали по деревнѣ и избушку заколотили, а платье и утварь сожгли, но не мы, а сами мужики, думая, что этимъ особенно угодятъ намъ и угодятъ на даровщину, такъ какъ малолѣтнія дѣти не могли протестовать противъ уничтоженія своего добра, а заступниковъ у нихъ не нашлось.

Потомъ дѣтей этихъ, кажется, взяли въ устроенный для подобныхъ сиротъ пріютъ; по крайней мѣрѣ, я внесла ихъ въ списокъ дѣтей, родители которыхъ умерли отъ холеры. Передъ отъѣздомъ изъ Стараго Уреня я въ послѣдній разъ видѣла маленькую Нюту: она, какъ раненый звѣрекъ, ползла на улицѣ по направленію къ своей избѣ.

— Куда это ты, маленькая?—спросила я ее.

Она посмотрѣла на меня ввалившимися, не по-дѣтски печальными глазами:

— Къ мамѣ!..—слабымъ полушопотомъ отвѣчала она.

Я приласкала ее, дала ей какого-то гостинца, послала къ ней женщину, которой она была поручена, и больше никогда не видѣла ее. И сколько такихъ было въ ту печальную годину.

Но вернусь къ тому, какъ трудно было дать народу правильное понятіе о нашей роли, о самой эпидеміи и о средствахъ борьбы съ нею. Вотъ когда приходилось особенно горячо желать, чтобы было больше школъ, больше умственнаго свѣта. Все то, что говорилось крестьянамъ, чтобы внушать имъ болѣе ясныя понятія о холерѣ и о томъ, какъ избѣгать заболѣваній, служило только для созданія новыхъ суевѣрныхъ предразсудковъ. Такъ, напримѣръ, то, что говорили о чистотѣ питьевой воды, именно, чтобы не загрязнять ее и, вообще, пить преимущественно кипяченую воду, только утверждало народъ въ мысли, что кто-то отравляетъ рѣки и колодцы. Положимъ, что всюду

на Западѣ Европы, какъ и у насъ, во время эпидемій народъ всегда воображалъ, что злые люди отравляютъ воду, но я думаю, врядъ ли гдѣ-либо составлялись о происхожденіи болѣзней легенды, подобныя слѣдующей, слышанной мною въ Старомъ Уренѣ.

Гдѣ-то въ Индійскомъ морѣ (по другимъ варіантамъ на Волгѣ) есть подводный камень; на этотъ камень англичанка (читай: королева Викторія) напустила маленькихъ бѣлыхъ букашекъ, которыя на камнѣ плодятся и множатся и оттуда по рѣкамъ идутъ въ Россію. Отъ этихъ букашекъ:—холера. Холера же потому нужна англичанкѣ, что та собирается воевать съ Россіей и хочетъ холернымъ моромъ извести русское войско... „И почему вы-то больше бабъ, да стариковъ, да ребятъ спасаете, а молодые мужики сплошь да рядомъ мрутъ?... Либо, значитъ, съ англичанкиными букашками вамъ не справиться... либо вы и сами за англичанку стойте... Кто-жъ васъ знаетъ?“

Дѣйствительно, было легче вылѣчить бабъ, стариковъ и ребятишекъ, чѣмъ молодыхъ парней и крестьянъ среднихъ лѣтъ. Мы объясняли причину этого тѣмъ, что старики и бабы меньше пьянствуютъ и раньше обращаются къ намъ за помощью для себя и дѣтей; при холерѣ же гораздо легче справиться съ начинающимся заболѣваніемъ, въ особенности у людей, не испортившихъ свой желудокъ водкой, между тѣмъ какъ весьма трудно спасти больного, у котораго дѣло дошло уже до судорогъ и который злоупотреблялъ спиртными напитками. Но намъ, разумѣется, никто не вѣрилъ.

Въ Старомъ Уренѣ было много тяжелыхъ случаевъ; особенно памятны мнѣ заболѣванія въ семьѣ Ѳедора Матросова. На второй день нашего пріѣзда, на улицѣ, обыкновенно тихой и безлюдной, вдругъ поднялся шумъ и крикъ... люди бѣжали за какою-то скачущей лошадью, запряженной въ телѣгу, въ которой лежалъ человѣкъ; лошадь подворотила къ двухъ-этажной кирпичной избѣ. Человѣкъ, лежавшій въ телѣгѣ, молилъ сиплымъ, почти беззвучнымъ, холернымъ голосомъ: „Православные, помогите, смерть моя пришла!“ Это былъ Ѳедоръ Матросовъ. Подбѣжавшіе люди вынули его изъ телѣги и понесли наверхъ, въ жилую избу. У него были судороги въ сильной степени. Какъ впослѣдствіи выяснилось, ему нездоровилось уже нѣсколько дней, но онъ, будучи самъ увѣренъ, что у него холера, не хотѣлъ лѣчиться: „Какъ такому молодцу, какъ онъ, не перемочь проклятую хворь!“ И когда у него начинало сводить руки и ноги, то онъ насильно выпрямлялъ члены, злобно ругаясь, стискивая зубы отъ боли и вызывая холеру: „А ну-ка! Скрути меня! Нѣтъ, я тебя стреножу!“

Въ то утро, о которомъ я говорю, Ѳедоръ въ такомъ состояніи отправился въ поле на уборку ржаныхъ сноповъ и тамъ хо-

лера его одолѣла: онъ въ припадкѣ корчей упалъ на землю; потомъ, въ промежуткахъ между судорогами, ему какъ-то удалось вползти на телѣгу и онъ успѣлъ нахлестать лошадь, которая и помчалась домой. Когда насъ позвали къ нему, Ѳедору уже нельзя было помочь: онъ умиралъ при явленіяхъ гангрены кишекъ. Отецъ его также умеръ, какъ и маленькая дочь Ѳедора, которую мы, такъ же, какъ и отца его, застали въ безнадежномъ состояніи. Жена Ѳедора Матросова, или Матросиха, какъ ее звали, заболѣла уже при насъ, а затѣмъ и младшій сынъ ея, но эти обратились за помощью своевременно, и у нихъ все дѣло ограничилось холериной.

Вообще, въ первые дни по пріѣздѣ мы были завалены работой. Спать приходилось по два-три часа въ сутки. Помимо холерныхъ къ намъ обращалось еще множество другихъ больныхъ. Многіе изъ нихъ требовали такихъ-то и такихъ-то лѣкарствъ, иногда за деньги, и не слушали никакихъ доводовъ о томъ, что у насъ не вольная аптека для продажи лѣкарствъ, а пріемъ больныхъ и даровая раздача лѣчебныхъ средствъ по нашему усмотрѣнію и разумѣнію. Иногда просили рецептовъ, чтобы купить въ вольной аптекѣ такія средства, которыя были и у насъ и могли быть раздаваемы даромъ. Когда мы отказывали въ рецептѣ, предлагали дать лѣкарство безплатно, намъ отвѣчали, что „земскія“ лѣкарства плохи: іодъ слабъ, ромашка выдохлась и тому подобное.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ много старовѣровъ; они сильно тормазили наше дѣло. Отъ пріема какихъ бы то ни было внутреннихъ средствъ они безусловно отказывались; относительно наружныхъ средствъ и дезинфекціи дѣло шло нѣсколько лучше. Изъ православныхъ иные соглашались принимать лѣкарства, иные нѣтъ,— что же касается дезинфекціи, то ее требовали всѣ безъ исключенія. Сулему часто сами покупали въ городѣ или большихъ слободахъ и къ намъ приходили только разспросить, какъ изъ нея приготовлять растворы; вездѣ было запасено много негашеной извести; постоянно приходилось удовлетворять просьбы: „попрыскать избу и дворъ“. Дѣлалось это при помощи гидропультовъ, которымъ крестьяне дали весьма мѣткое, хотя и совершенно неудобное для печати названіе. Опрыскиванье доставляло большое удовольствіе мальчишкамъ-подросткамъ, которыхъ на всякую дезинфекцію набиралась толпа, кричавшая: „Тетенька, дай попрыскать!“—что имъ и разрѣшалось, подъ наблюденіемъ санитара. Сами крестьяне весьма искусно опрыскивали стѣны вѣниками—это было очень хорошо, такъ какъ гидропультовъ на весь отрядъ было всего три, да и то у одного какой-то части не хватало, а домовъ приходилось опрыскивать сразу сотни.

Работы въ Старомъ Уренѣ было столько, что я въ сущности отдыхала, когда ѣздила въ другія деревни, напримѣръ, по прось-

бѣ д-ра П., въ Рѣпьевку, а затѣмъ въ Сосновку, куда я черезъ нѣкоторое время командировала сестру Ольгу Алексѣевну. Ѣздила я также въ Часовню и пригласила къ намъ на подмогу двухъ дочерей почтмейстера, Анну Николаевну и Александру Николаевну Коз. Это были добрыя и трудолюбивыя дѣвушки, прекрасно ухаживавшія за холерными больными.

Въ Часовнѣ я слышала довольно интересный разсказъ по поводу безпорядковъ, возникавшихъ во время холерной эпидеміи. Одинъ богатый купецъ, кажется, въ Симбирской губерніи, построилъ на свой счетъ баракъ для холерныхъ больныхъ. Крестьяне не выказали никакого неудовольствія по этому поводу. Вдругъ, въ одинъ прекрасный день, населеніе разрушило и сожгло баракъ. Когда крестьянъ спрашивали, какъ они рѣшились уничтожить чужую собственность, да еще такую, которая была предназначена для помощи имъ же, они отвѣтили: „Какая помощь! Насъ тамъ морить хотятъ... Вѣдь еще даже и больныхъ-то не было у насъ, а въ баракѣ уже запасли пятьдесятъ новыхъ гробовъ... Такъ на глазахъ у всѣхъ передъ самыми окнами барака на дворѣ и сложены были“!..

Разсказывали также, что если бы въ Астрахани полицейскій персоналъ не тащилъ всякаго труднаго больного въ холерный баракъ, то и тамъ едва-ли бы были безпорядки. Дѣло въ томъ, что толпа собралась первоначально передъ астраханской больницей вовсе не съ намѣреніемъ разрушать ее, а съ тою только цѣлью, чтобы востребовать оттуда своихъ *не* холерныхъ больныхъ.

Очень поучительна въ такомъ отношеніи и наша исторія въ Старомъ Уренѣ. Если бы мы тамъ на первыхъ порахъ начали на чемъ-нибудь настаивать или струсили бы и вздумали призвать кого бы то ни было на помощь, то намъ пришлось бы очень плохо. Но я лучше разскажу все по порядку. Холера началась въ той мѣстности не со Стараго Уреня, но за нѣсколько верстъ оттуда, въ деревнѣ Головкинѣ, тоже лежащей на рѣчкѣ Уренѣ. Близъ Головкина находится усадьба помѣщиковъ г. г. Н., всегда находившихся въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ жителями окрестныхъ деревень. Г. Н., врачъ, былъ въ то же время предсѣдателемъ уѣздной земской управы. Въ усадьбѣ жила его мать и еще одна родственница, по отзывамъ крестьянъ: „святая душа“. Она во всемъ помогала народу и крестьяне шли къ ней по всякому своему дѣлу. Когда мы пріѣхали въ Старый Урень, то крестьяне сходили къ родственницѣ г. Н. и спросили ее, принять-ли имъ докторовъ или нѣтъ. Они потомъ разсказывали намъ, будто она отвѣтила имъ, что видѣла сонъ, въ которомъ ей было открыто, что нашъ отрядъ принесетъ деревнѣ великую пользу; тогда крестьяне насъ приняли, хотя все еще не вполнѣ охотно. За нѣкоторое время до нашего пріѣзда по рѣчкѣ Уреню гнали дрова или шли барки съ чѣмъ-то, хоро-

шенько сказать не умѣю. Я все это разсказываю со словъ крестьянъ и за полную точность не ручаюсь. Кто-то изъ людей на баркахъ заболѣлъ холерою, когда поровнялись съ Головкинымъ. Жители съ перепугу стали гнать прочь больного и его товарищей. Чѣмъ у нихъ дѣло кончилось и умеръ-ли больной или выздоровѣлъ,—не знаю, но только достовѣрно то, что въ Головкинѣ послѣ этого начались случаи холерныхъ заболѣваній. Крестьяне бросались туда и сюда за помощью и прежде всего, конечно, къ господамъ Н. Но тутъ вдругъ у нихъ явилось, какъ и вездѣ, недовѣріе къ барамъ. Они даже перестали лѣчиться у родственницы г. Н. и въ одно утро принесли нѣсколько гробовъ съ покойниками въ господскій домъ и оставили тамъ. Что они хотѣли выразить или доказать этимъ, трудно объяснить: крестьяне-разсказчики не приводили мотивовъ этой дикой выходки. Какъ и кто убралъ покойниковъ изъ Н—скаго дома, я тоже не знаю, но въ это время случилось вотъ что: когда земство прислало дезинфекціонныя средства въ Головкино, то урядникъ и волостныя власти собрались и начали тайно совѣщаться о томъ, что теперь нужно предпринять. Они и не подозрѣвали, что подъ окошкомъ подслушиваютъ ихъ. Говорили много и, между прочимъ, о запрещеніи выдавать крестьянамъ на руки сильнодѣйствующія средства, какова, напр., сулема. Боялись, что неумѣлое обращеніе съ этими средствами можетъ надѣлать бѣдъ. „Ага“, заговорили подслушивающіе: „они хотятъ оставить лѣкарства для однихъ себя“!

Собралась толпа и начали шумѣть, требуя, чтобы всѣмъ было выдано то, что прислано земствомъ. Урядникъ перепугался, побѣжалъ на чердакъ и въ слуховое окно два раза выстрѣлилъ на воздухъ; это окончательно разозлило крестьянъ, думавшихъ, что стрѣляютъ по нимъ; они стали брать домъ приступомъ. Урядникъ какъ-то сумѣлъ черезъ зады четырехъ смежныхъ избъ пробраться въ усадьбу г. Н., гдѣ его скрыли, переодѣли и на господскихъ лошадяхъ отправили дальше. Онъ далъ знать властямъ о бунтѣ въ Головкинѣ, туда прислали постой казаковъ и наказали зачинщиковъ розгами.

Досталось, между прочимъ, и одному старику, который уже раньше два раза подвергался тому же наказанію и за ту же вину въ сороковыхъ и семидесятыхъ годахъ. Черезъ недѣлю приблизительно послѣ ухода казаковъ изъ Головкина, отстоящаго верстъ на семь отъ Стараго Уреня, прибыли мы—и насъ ни за что бы не приняли, если бы не вѣщій сонъ „святой души“.

Перешла ли болѣзнь въ Старый Урень изъ Головкина,—не знаю.

Интересно то, что если холера появлялась въ приречныхъ деревняхъ, то она распространялась не внизъ, а вверхъ по теченію; это мнѣ пришлось наблюдать вездѣ. Иногда она перескаки-

вала черезъ деревню. Прибавлю, что передъ тѣмъ, какъ холера появилась въ Старомъ Уренѣ, туда приходилъ старикъ-нищій, бродившій чуть не по всему уѣзду; онъ былъ боленъ холерой и всѣ изверженія свои оставлялъ по дорогамъ и улицамъ, гдѣ они разлагались или высыхали, смотря по погодѣ. Умеръ онъ гдѣ-то въ полѣ за деревней, и первые случаи холеры появились черезъ домъ отъ избы, гдѣ онъ одну ночь ночевалъ.

Черезъ недѣлю послѣ нашего пріѣзда тяжелыхъ случаевъ заболѣванія уже не было, и всѣ больные, захварывавшіе при насъ,—выздоравливали, такъ что я могла отправить Павлу Николаевну Ш. въ Рѣпьевку, для завѣдыванія небольшою холерною больничкою на восемь человѣкъ, устроенною на средства тамошняго помѣщика г. Ш—ва. Для ухода за больными я отправила съ нею одного только Степана, такъ какъ при баракѣ г. Ш. уже была нанята женщина. Анну Николаевну Коз., дочь часовенскаго почтмейстера, я послала въ деревню Сосновку, на помощь къ сестрѣ Ольгѣ Алексѣевнѣ.

Теперь намъ вообще было гораздо меньше дѣла. Сначала приходилось работать днемъ и ночью, и спали иногда только по два-три часа въ сутки; теперь насъ ночью уже никто не безпокоилъ, и мы иногда по вечерамъ отдыхали, сидя на широкомъ крыльцѣ взъѣзжей, гдѣ около насъ собиралась цѣлая толпа крестьянъ. Мы съ ними мирно бесѣдовали. Чаще всего являлся молодой мужикъ Петръ, жившій напротивъ насъ; намъ пришлось лѣчить отъ холеры его шестилѣтнюю дочку, Нюрочку, прелестнаго ребенка съ большими карими глазами, блѣднымъ продолговатымъ личикомъ и косматой головкой въ золотистыхъ кудряхъ. Съ Нюрочкой у меня завязалась большая дружба. Еще слабая отъ болѣзни, она требовала отъ своей старшей сестры-„няньки“, чтобы та на рукахъ приносила ее ко мнѣ подъ окно; я дарила ей красныя ленточки, а она отдаривала меня свѣжимъ яичкомъ, которое застѣнчиво смуглой рученкой протягивала ко мнѣ въ окно съ плутовской дѣтской улыбкой. Отецъ этой Нюрочки, какъ сказано, былъ каждый вечеръ нашимъ собесѣдникомъ.

Приходила и Матросиха съ сыномъ, и Егоръ Грунинъ, дочь котораго умерла отъ холеры, и еще другъ и пріятель Петра, Ванька-забубенная голова, мать котораго не умирала, но и не выздоровливала, такъ какъ въ перемѣшку съ нашими лѣкарствами ѣла и недозрѣлыя яблоки, и тяжелыя деревенскія лепешки, пила квасъ и холодную воду, а иногда и перцовку.

Но вся собиравшаяся около насъ толпа состояла изъ жителей бѣднаго конца деревни,—богачи не переходили за свою загородку и насъ къ себѣ не звали. Разъ только прислали за мною, когда одна лавочница по нечаянности хлебнула нашатырнаго спирта вмѣсто перцовки, перепугавшись, что сынъ ея заболѣлъ кишечнымъ разстройствомъ; мать и сынъ послѣ нашего лѣченья попра-

вились, но къ намъ отъ этого на богатомъ концѣ деревни вѣры не прибавилось.

Иногда подходилъ къ намъ вечеромъ и пьяный бобыль, на котораго деревня возложила обязанность хоронить умершихъ отъ холеры. У него была круглая голова, полное краснощекое загорѣлое лицо и бѣлый лобъ, на который налѣзали вѣчно потныя и слипшіяся пряди черныхъ волосъ; черные глаза его какъ будто всегда плакали; потное лицо, захватанное грязными пальцами, выражало постоянную унылость. Ему было, повидимому, лѣтъ тридцать пять и звали его Николаемъ.

Однажды, когда я стала уговаривать его не пить водки, онъ вдругъ зарыдалъ и, всхлипывая, заговорилъ:

— Да какъ мнѣ не пить! Первое: вдовъ я, жена померла, дѣти малыя, кормить ихъ надо... недоимки... вотъ и заставили меня хоронить этихъ заразныхъ... А мнѣ и тошно, и жалко ихъ страсть какъ!.. Вотъ и пью... Не былъ я никогда допрежь того пьяницей... Какъ умретъ этакъ сразу бабочка какая, а дѣти ея плачутъ, кричатъ: мамка! мамка! А я тащу ее за деревню, въ загородку, гдѣ холерныхъ хоронятъ, и думаю: жить бы тебѣ, голубушка, жить—да дѣтей растить... а самъ рою да рою на нее землю, да еще и притаптываю... Какъ тутъ не пить!.. А ребеночка хороню, думаю: выросъ бы ты, работникомъ хорошимъ сталъ бы... А я вотъ тебя въ мать сыру-землю заталкиваю! И всѣхъ-то, всѣхъ мнѣ ихъ жалко: и кто померъ, и кто остался!.. Ночью хороню... иной разъ страхъ беретъ... и чудится мнѣ, будто изъ-подъ земли стонъ идетъ, и мнѣ кажется, что земля черная, сырая да тяжелая давитъ покойничковъ, и что вотъ они выбиваются изъ-подъ нея и встанутъ, схватятъ меня, да за собой и утянутъ въ могилу... Какъ не пью, такъ точно пудовики на сердце навалились, а какъ выпью, такъ маленько какъ будто и отляжетъ... Вотъ и пью...

— Зачѣмъ же ты взялся за такое дѣло, которое тебѣ такъ тяжело исполнять?..

— Да вѣдь надо же кому-нибудь покойниковъ хоронить... Вѣдь, не на землѣ же ихъ оставлять! А я ужъ тебѣ сказывалъ, что виноватъ я передъ міромъ—недоимщикъ! Міръ меня и назначилъ... Противъ міра не пойдешь... Да мнѣ за эту мою должность дѣтей кормятъ.

Иногда разговоры были не такіе печальные, въ особенности, когда эпидемія начала утихать; крестьяне съ юморомъ разсказывали разныя вещи, имѣвшія отношеніе къ „хвори", напримѣръ, о томъ, какой непреодолимый ужасъ внушали большинству населенія всякія бутылочки и пузырьки, въ особенности, когда они были пусты или наполнены неизвѣстными жидкостями. По этому поводу разсказывали слѣдующее: были въ Старомъ Уренѣ двѣ страшно бранчливыя старухи-сосѣдки; ругались онѣ каждый день, но однажды дѣло у нихъ дошло до жестокой драки: сцѣпились

онѣ на улицѣ, ихъ начали разнимать, но это не удалось ни бабамъ, ни мужикамъ—драчуньи дружно накидывались на разнимавшихъ и, когда тѣ, плюнувъ, отходили прочь, принимались снова теребить одна другую. Вдругъ прибѣгаетъ мальчишка и кричитъ: „постойте, я сейчасъ ихъ разгоню“! и начинаетъ качать привязаннымъ къ веревочкѣ пузырькомъ по направленію къ вошедшимъ въ полный азартъ старухамъ.

— Батюшки свѣты, холеру пущаютъ!—завопили вѣдьмы и въ дикомъ ужасѣ, мгновенно отскочивъ другъ отъ друга, юркнули каждая въ свои ворота.

Мужики смѣялись, но, тѣмъ не менѣе, подвергли мальчишку строгому допросу, откуда у него пузырекъ и не получилъ-ли онъ его отъ какихъ-нибудь незнаемыхъ людей или отъ докторовъ.

Наконецъ, эпидемія въ Старомъ Уренѣ совсѣмъ затихла. У насъ, въ сущности, оставался только одинъ тяжелый больной. Онъ жилъ наискосокъ противъ насъ и былъ очень непріятнымъ паціентомъ. Онъ былъ старъ, золъ и очень бѣденъ и уже недѣли съ двѣ приходилъ къ намъ за пищей, при чемъ грубо требовалъ ее, а, получивъ желаемое, уходилъ, никогда не говоря „спасибо“. Онъ думалъ, что мы раздаемъ „казенное“; намъ не отпускалось средствъ на прокормъ неимущихъ, но оказывалось, что въ иныхъ случаяхъ улучшеніе питанія было важнѣе лѣкарствъ. Мы и раздавали бульонъ, молоко, разныя каши, а гдѣ нужно было и мясо. Средства, на которыя это дѣлалось, были частныя, но такъ какъ ихъ не хватало, то вотъ что мы придумали. Ильѣ Александровичу и мнѣ давалось прогоновъ на три лошади каждому, фельдшерицамъ и сестрамъ милосердія по двѣ лошади, а санитарамъ и санитаркамъ по одной; поэтому, если мы, напримѣръ, съ Ильей Александровичемъ ѣхали куда-нибудь, то садились въ тарантасъ вдвоемъ, беря еще санитара на облучекъ, при чемъ у насъ оказывалось въ экономіи четыре лошади. Скажемъ, напримѣръ, что мы ѣхали за десять верстъ: это составитъ на семь лошадей по три копѣйки съ версты—два рубля десять копѣекъ, въ сущности же, мы платимъ по три копѣйки за трехъ лошадей—90 к., прибавьте сюда двадцать копѣекъ на чай ямщику и все-таки остается экономія въ одинъ рубль. Обратная поѣздка также даетъ одинъ рубль. Но это на земскихъ лошадяхъ; нанимая вольныхъ, намъ приходилось платить и до десяти копѣекъ съ лошади и версты; впрочемъ, вольныхъ мы нанимали очень рѣдко. Эти экономіи были подспорьемъ въ кормежкѣ больныхъ; но вообще намъ далеко не хватало бы средствъ на нее, если бы Павла Николаевна Ш. не помогла намъ. Я не знаю, была ли она богата, но мнѣ говорили, что она привезла около 2,000 рублей съ собой на эту командировку,—а уѣхала, едва имѣя чѣмъ оплатить путевыя издержки; вещи свои она также почти всѣ раздала. Сестры Кол. тоже много раздавали.

Но вернусь къ своему больному старику. Высокій, костлявый, грязный, съ сѣдой растрепанной бородой, онъ теперь лежалъ, какъ говорится, пластомъ. Между тѣмъ д-ръ П. писалъ, что въ селахъ Большой и Малой Кандалѣ появилась случаи холерныхъ заболѣваній и что туда нужно ѣхать. Мы и собирались уѣзжать, ожидая только, чтобы самые бурные симптомы холеры у старика прошли—намъ было жаль его: сынъ его и невѣстка съ дѣтьми совсѣмъ ушли изъ дому, какъ только отецъ расхворался, и бросили его на произволъ судьбы. Было также еще съ полдесятка больныхъ, которыхъ нужно было поставить на ноги. Что касается старика, то мы первыя двое сутокъ послѣ его заболѣванія попеременно дежурили у него; теперь ему было уже настолько лучше, что его можно было навѣщать черезъ два-три часа.

Я говорила, что по вечерамъ мы въ сумерки отдыхали на крыльцѣ. Однажды около насъ собралось народа болѣе, чѣмъ обыкновенно. Пришелъ и могильщикъ Николай, и отецъ Нюрочки, Петръ, и Ванька забубенная голова и Матросиха, вполнѣ теперь оправившаяся отъ холеры, также какъ и ея сынъ. Бабъ, однако, по всегдашнему, было мало. Такъ какъ крестьяне теперь, повидимому, привыкли къ намъ и выказывали намъ даже нѣкоторое дружелюбіе, то я, между прочимъ, рѣшилась разспросить ихъ о постоѣ казаковъ и бунтѣ въ Головкинѣ. Отецъ Нюрочки разсказалъ мнѣ то, что я писала объ этомъ выше, и прибавилъ: „Знаешь, сестрица, когда урядникъ сталъ стрѣлять въ крестьянъ, то его порѣшили сжечь“.

Послѣ мнѣ говорили, будто богачи, подъ вліяніемъ, съ одной стороны, страха холеры, которую считали совершенно искренно тѣсно связанною съ нами,—съ другой—отъ досады за то, что мы, кормя бѣдныхъ больныхъ, помогаемъ имъ ускользать изъ когтей кулаковъ—рѣшили насъ извести тѣмъ же способомъ, какъ и того урядника.

Въ концѣ концовъ, однако, богачи съ нами примирились. Я находилась въ то время въ Большой Кандалѣ, Павла Николаевна въ Архангельскихъ Озеркахъ, а Надежда и Софія Яковлевны въ какой-то деревнѣ недалеко отъ Стараго Уреня, когда къ нимъ оттуда явились ходоки, съ просьбою вернуться въ Старый Урень, чтобы походить за больными. Дѣло въ томъ, что, прекратившись въ бѣдномъ концѣ деревни, эпидемія черезъ нѣкоторый промежутокъ времени перешла къ богачамъ. Тѣ сначала лѣчились своими домашними средствами, но такъ какъ это не помогало, то послали за сестрами Кол. Тѣ тотчасъ поѣхали въ Старый Урень, гдѣ имъ дали на пробу вылѣчить семидесяти-пятилѣтнюю старуху, бѣдную родственницу одного изъ лавочниковъ.

И побились же мои милыя фельдшерички два дня съ этой старухой, не ѣвши и не спавши. Онѣ и паровыя ванны ей дѣ-

лали, накаливая кирпичи, и растирали ее и даже рѣшились, будь, что будетъ, сдѣлать ей подкожное впрыскиванье камфоры. Старуха выздоровѣла. Тогда въ нихъ увѣровали. Онѣ едва успѣвали ходить по избамъ, куда ихъ требовали. Не знаю, умеръ ли кто въ эту короткую вспышку эпидеміи въ Старомъ Уренѣ во время пребыванія тамъ Надежды Яковлевны и Софьи Яковлевны, знаю только, что, когда все кончилось и онѣ уѣзжали, то старъ и младъ провожали ихъ чуть не со слезами.

Чтобы покончить со Старымъ Уренемъ скажу, что изъ нашихъ тяжелыхъ больныхъ послѣдняго времени: Нюты—дочери Марины, злого старика и еще двухъ-трехъ—ни одинъ не умеръ, а гробовщикъ Николай, переставъ хоронить холерныхъ, переталъ и пить—онъ опять превратился въ трудолюбиваго и трезваго человѣка, какимъ былъ раньше.

VII.

Въ Рѣпьевкѣ.

Я уже говорила, что д-ръ П. просилъ меня контролировать его медицинскій персоналъ, когда я буду въ деревняхъ, гдѣ этотъ персоналъ работаетъ, обѣщая мнѣ наблюдать и за персоналомъ десятаго санитарнаго отряда, когда представится къ тому случай. Дѣйствительно, д-ру П. немыслимо было поспѣть всюду самому, имѣя еще значительный амбулаторный ежедневный пріемъ, при медицинскомъ участкѣ, занимавшемъ въ 1892 г. почти треть Ставропольскаго уѣзда съ болѣе чѣмъ 60 тысячами жителей.

Мнѣ пришлось имѣть дѣло съ четырьмя или пятью человѣками изъ персонала д-ра П., и они въ большинствѣ не представляли ничего выходящаго изъ ряда ни въ дурномъ, ни въ хорошемъ отношеніи, и только двое заслуживаютъ упоминанія: фельдшеръ въ Сосновкѣ и сестра милосердія въ Рѣпьевкѣ. Проѣзжая черезъ Сосновку, я велѣла позвать къ себѣ фельдшера, при чемъ отъ старосты услышала жалобы на него за то, что онъ не ѣздитъ къ больнымъ, между тѣмъ, какъ д-ръ П. удивлялся количеству проѣханныхъ верстъ, выставленныхъ фельдшеромъ въ его рапортахъ. Подвыпившій фельдшеръ явился ко мнѣ съ весьма развязнымъ видомъ, тотчасъ полупокровительственно протянулъ мнѣ грязную руку и, развалясь на лавкѣ, закурилъ папироску, приготовляясь, повидимому, начать пріятную бесѣду. Я молча вынула изъ портфеля свои бумаги и попросила его прочитать ихъ. Онъ прочиталъ, сконфузился, затушилъ „цигарку" между пальцами и началъ ее мять въ рукахъ.

— Бросьте вашу папиросу,—сказала я,—и потрудитесь дать мнѣ отчетъ въ томъ, гдѣ вы были и что сдѣлали во время вашихъ безчисленныхъ разъѣздовъ.

Понятно, что фельдшеръ не могъ исполнить мое требованіе, а призванный староста уличилъ его не только въ приписываніи не сдѣланныхъ поѣздокъ, но и въ пьянствѣ, поборахъ съ населенія припасами и деньгами и тому подобныхъ гадостяхъ.

— Потрудитесь ѣхать тотчасъ же въ Чердаклы,—сказала я фельдшеру:—я напишу д-ру П. о вашемъ поведеніи—и знайте, что вы съ сегодняшняго дня больше на службѣ не состоите.

Фельдшеръ пытался оправдаться, просилъ прощенья, но я ничего не могла, да и не хотѣла для него дѣлать. Д-ръ П. подтвердилъ мою резолюцію.

Не мудрено, что народъ бѣжитъ отъ медицинской помощи, если ему приходится имѣть дѣло съ людьми, которые даже во время холеры думаютъ только объ удовлетвореніи своихъ низменныхъ инстинктовъ.

Въ Рѣпьевкѣ съ сестрою милосердія изъ „вольныхъ“ дѣло было нѣсколько иначе. Въ Самарѣ читались двухъ-недѣльные курсы для желающихъ изучить уходъ за холерными больными; потомъ лицъ, прослушавшихъ эти курсы, посылали въ холерныя мѣста за тридцати-рублевое ежемѣсячное жалованье въ качествѣ вольныхъ сестеръ милосердіи. Раиса, рѣпьевская сестра, также прослушала эти курсы. Она была самарская мѣщанка, вдова лѣтъ тридцати, довольно симпатичной наружности, черноволосая, румяная, высокая. Ей нельзя было отказать въ желаніи принести пользу и въ добротѣ; въ сестры милосердія ее загнала, главнымъ образомъ, нужда, такъ какъ небольшая торговля, которой она занималась на самарскомъ толкучемъ рынкѣ, не доставляла ей средствъ къ существованію. Когда я въ первый разъ пріѣхала въ Рѣпевку, Раиса очень обрадовалась, потому что ей одной самостоятельно справляться съ больными было трудно. Она слышала только кое-что объ уходѣ за холерными, а къ ней валомъ валилъ народъ со всевозможными хворобами. Будучи одарена большою смекалкою, она какъ-то выпутывалась изъ этого положенія, по крайней мѣрѣ я не получила ни одной жалобы на ея неумѣлость. Что касается меня, то я, какъ въ то время, такъ и впослѣдствіи, только и дѣлала, что толковала всѣмъ этимъ набраннымъ съ бору да съ сосенки санитаркамъ и сестрамъ, чтобы онѣ помнили, что ничего не знаютъ и чтобы ходили хорошенько за больными, но не брались за лѣченіе ихъ, такъ какъ въ состояніи принести только вредъ, а ужъ никакъ не пользу... Впрочемъ, вѣдь кто не лѣчитъ у насъ? Никому не вздумается давать уроковъ китайскаго языка, не зная по-китайски, — но заниматься лѣченіемъ, этою китайскою грамотою для неучившагося медицинѣ, всякій человѣкъ считаетъ себя компетентнымъ. Мнѣ случалось видѣть умныхъ и образованныхъ людей, которые въ другомъ порядкѣ идей судятъ вполнѣ здраво—по отношенію же

къ медицинѣ и разсуждаютъ, и поступаютъ наперекоръ всякой логикѣ и здравому смыслу.

Будучи сравнительно удовлетворительной въ смыслѣ ухода за больными, Раиса была почти невозможна въ другомъ отношеніи. Вслѣдствіе прирожденнаго скопидомства и развитаго въ ней торговлей стремленія къ наживѣ она сначала не смогла отказаться отъ доброхотныхъ приношеній крестьянъ, а затѣмъ начала даже „выбивать“ (по крестьянскому выраженію) разныя даянія и тѣмъ возбудила въ населеніи непріязненное къ себѣ отношеніе. Мнѣ на это пожаловались, и я постаралась уговорить и пристыдить ее. Ей, дѣйствительно, сдѣлалось стыдно, и она обѣщала мнѣ больше поборовъ яйцами, масломъ и т. п. не дѣлать. Обѣщаніе свое она свято сдержала, а я не доводила ея прегрѣшеній до свѣдѣнія д-ра П., такъ какъ Раиса, въ сущности, была вовсе не плохой человѣкъ, оттирать холерныхъ не лѣнилась, давала точныя свѣдѣнія о санитарномъ состояніи деревни въ смыслѣ холерныхъ заболѣваній, и въ общемъ приносила болѣе пользы, чѣмъ вреда.

Разскажу здѣсь о жестокомъ испугѣ, который я пережила по милости Раисы. Отдавая мнѣ отчетъ о количествѣ больныхъ и о томъ, какъ она справляется съ ними, Раиса очень просила меня вмѣстѣ съ нею навѣстить самыхъ трудныхъ.

Мы пошли. Больныхъ было немного, но деревня была очень велика и разбросана; мы долго проходили и я немного устала.

— А вѣдь намъ нужно еще заглянуть въ одну избу, но это на другомъ концѣ деревни, за площадью, у оврага,—сказала Раиса.—Тамъ, видите-ли, умерла вчера женщина отъ холеры. Мужъ ея тоже боленъ, хотя еще на ногахъ; онъ приходилъ ко мнѣ сегодня утромъ съ разстройствомъ желудка. Я ему дала три порошка каломеля по пяти гранъ и соляной кислоты—и велѣла принимать сначала каломель, а потомъ, черезъ полчаса, соляной кислоты, и такъ три раза въ день.

— Ну и что-жъ?—съ ужасомъ воскликнула я.

— Да вотъ теперь нужно сходить посмотрѣть что съ нимъ.

Признаюсь, моею первою мыслью было бѣжать изъ Рѣпьевки безъ оглядки, но потомъ мнѣ стало стыдно моего малодушія—вѣдь, можетъ быть, еще можно помочь отравленному мужику... а если онъ лѣкарствъ еще не принималъ, то отнять ихъ у него и замѣнить другими...

Я заторопила Раису и мы очень скоро дошли до избы на краю оврага и принялись стучать въ запертую дверь. Никто намъ не отворялъ, и на двери, какъ мы потомъ замѣтили, висѣлъ замокъ. Очевидно, мужикъ ушелъ, заперевъ тѣло своей покойной жены. Однако, на нашъ стукъ вышла женщина изъ сосѣдняго дома и сказала, что „шаберъ“ пошелъ ладить гробъ для покойницы, но гдѣ онъ это дѣлаетъ, она сказать намъ не могла.

Мы потихоньку отошли отъ запертой избы, словно ожидая, что вотъ-вотъ вернется ея хозяинъ... Мое воображеніе въ это время рисовало мнѣ разные ужасы: вотъ больной принялъ каломель, потомъ черезъ полчаса—двадцать капель соляной кислоты, потомъ занялся уборкой избы и приготовленіями къ похоронамъ жены... ему сдѣлалось нехорошо и онъ заторопился идти тесать гробъ, но передъ уходомъ принялъ еще лѣкарство—порошокъ, а можетъ быть и два, да еще капель безъ мѣры, чтобы скорѣй полегчало, какъ это частехонько дѣлаютъ крестьяне... И вотъ онъ теперь лежитъ гдѣ-нибудь въ оврагѣ и корчится, отравленный сулемою, которая образовалась въ его желудкѣ изъ каломеля съ соляною кислотою, и мы помочь ему не можемъ, такъ какъ не знаемъ даже, гдѣ онъ... Да если бы мы и нашли его, то врядъ ли ему вообще можно было помочь—вѣдь вся эта исторія происходила утромъ, а теперь уже шестой часъ вечера.

— Послушайте,—сказала я Раисѣ,—вѣдь вы надѣлали вздору, который намъ, можетъ быть, не удастся поправить...—и принялась ей объяснять какъ, что и почему.

— Сестрицынька, а сестрицынька!—раздался въ это время за нами визгливый бабій голосъ. Мы обернулись. На большой площади, по которой мы въ это время шли, виднѣлся вдали мужикъ, торопившійся повидимому къ намъ, а какая-то баба окликала насъ, чтобы мы его подождали.

— Вотъ, вотъ, это намъ бѣгутъ сказать, что въ оврагѣ нашли умирающаго—Господи, да помоги же Ты мнѣ!—внутренно съ отчаяніемъ взмолилась я.

Запыхавшійся мужикъ быстро приближался къ намъ.

— А вотъ это тотъ самый мужичекъ, къ которому мы ходили,—съ довольнымъ видомъ проговорила Раиса.

— Сестрица,—сказалъ онъ Раисѣ, поклонившись намъ обѣимъ въ поясъ: — меня дома не было, когда вы приходили, а я самъ хотѣлъ идти къ тебѣ... Принялъ я тврво лѣкарства одинъ только разъ и то дюже мнѣ худо стало...

— У тебя корова есть?—перебила я его нетерпѣливо и хрипло отъ волненія.

— Есть!—удивился мужикъ.

— И куры есть?

— Есть!

— Ну, ступай домой, пей молока, какъ можно больше, набей яицъ и глотай сырые яичные бѣлки,—тогда всю твою хворь какъ рукой сниметъ, слышишь!—торопила я его.

— Да,—продолжалъ мужикъ:—дюже худо, такъ вотъ подъ сердце и подкатываетъ, да словно мнѣ тамъ въ нутрѣ кто руками кишки крутитъ.

— Ступай же, ступай,—настаивала я:—да и вы, Раиса, идите съ нимъ.

Часа через два больной чувствовалъ себя совсѣмъ хорошо, но у меня цѣлыя сутки еще голова была какъ будто стянута желѣзнымъ обручемъ.

Во второй разъ я побывала въ Рѣпьевкѣ, когда весь нашъ отрядъ переѣхалъ туда изъ Стараго Уреня. На этотъ разъ мы остановились не на взъѣзжей, а въ маленькой холерной больничкѣ, устроенной иждивеніемъ Н. А. Ш—кова, одного изъ выдающихся земцевъ Самарской губерніи, и порученной мною Павлѣ Николаевнѣ Ш. Больничка состояла изъ новой двойной избы съ большими сѣнями. Въ одной половинѣ помѣщались больные, въ другой—Павла Николаевна съ бабой-сидѣлкой, Елизаветой, нанятой г. Ш—ковымъ. Служитель, Степанъ, помѣщался въ сѣняхъ.

Дѣло у Павлы Николаевны шло очень хорошо. Больные, лежавшіе въ больничкѣ, чувствовали къ ней и довѣріе, и расположеніе; къ сожалѣнію, поступавшихъ въ больницу было мало, всѣ предпочитали лѣчиться на дому снадобьями Раисы, которые могли принимать или не принимать по своей волѣ. Раиса, впрочемъ,— нужно отдать ей эту справедливость,—старалась уговорить всякаго труднаго больного пойти въ больницу и это ей иногда удавалось; кромѣ того, она и за совѣтами прибѣгала къ Павлѣ Николаевнѣ. Управляющій г. Ш—кова, г. Л—съ, всѣми средствами старался помогать населенію, и больничка ни въ чемъ не терпѣла недостатка.

Когда я пріѣхала въ Рѣпьевку, въ больничкѣ было человѣкъ шесть выздоравливающихъ и всего одинъ трудно больной, нѣкто Сохансеій. Въ полубредовомъ состояніи онъ буйствовалъ, грозился всѣхъ разразить, искалѣчить, убить. Сидѣлка и Степанъ терпѣть его не могли; обходились съ нимъ неласково и не сдавались ни на какіе уговоры Павлы Николаевны, увѣрявшей ихъ, что Соханскій тяжело боленъ, умираетъ и не отвѣтственъ за свой буйный бредъ.

— Какое онъ тамъ боленъ!—не больнѣе другихъ...—твердила сидѣлка:—онъ просто озорникъ... онъ и здоровъ былъ да забилъ жену и ребятишекъ своихъ, не сумѣлъ ни съ кѣмъ изъ шабровъ въ ладу жить... Есть въ немъ, конечно, и болѣзнь, а больше озорства...

Павла Николаевна, не смотря ни на какое буйство Соханскаго, все время относилась къ нему, какъ и ко всѣмъ остальнымъ больнымъ, по своему обычаю, кротко и ласково. Главное субъективное страданіе Соханскаго состояло въ такъ называемой холерной тоскѣ anxietas. Многіе больные холерой лежатъ совершенно спокойно, безучастно относясь и къ тому, что ихъ окружаетъ, и къ самимъ себѣ; потомъ, выздоровѣвъ, они разсказываютъ, что вполнѣ отдавали себѣ отчетъ въ трудности своего положенія и знали, что находятся въ смертельной опасности, но это было имъ совершенно безразлично: жить—такъ жить, а уме-

реть—такъ умереть: все единственно. Другими, напротивъ, овладѣвала тоска, которая тяжелѣе всякихъ нравственныхъ и физическихъ страданій. Больной мечется въ постели, взглядъ его выражаетъ безнадежное отчаяніе, онъ умоляетъ васъ помочь ему... Тоска эта, повидимому, зависитъ отъ неправильной дѣятельности сердца и представляетъ одно изъ самыхъ мучительныхъ состояній, которыя я знаю. Впрыскиванья морфія подъ кожу отъ $^1/_{12}$—$^1/_6$ гранъ очень часто помогали при холерной тоскѣ. Но у насъ въ этомъ отношеніи были связаны руки: крестьяне не допускали ни впрыскиваній, ни вливаній подъ кожу, говоря, что они помирать готовы, если на то Божья воля, но „докалывать" себя не позволятъ.

Съ Сохансвимъ было много труда, пока онъ согласился на впрыскиваніе морфія. Состояніе его тотчасъ облегчилось, но, тѣмъ не менѣе, онъ вскорѣ послѣ моего отъѣзда изъ Рѣпьевки умеръ.

Разсказывая мнѣ впослѣдствіи о смерти этого человѣка, Павла Николаевна сильно волновалась. Дѣло было такъ: видя, что агонія Соханскаго наступаетъ, Павла Николаевна предупредила объ этомъ служителя и сидѣлку и подошла съ ними къ постели больного, чтобы заслонить его отъ остальныхъ больныхъ, находившихся въ комнатѣ. Вдругъ сидѣлка и Степанъ со слезами повалились на колѣни и начали, кланяясь до земли, просить прощенія у умирающаго за то, что не вѣрили его страданьямъ и обижали его. Онъ только посмотрѣлъ на нихъ не то съ укоризной, не то съ жалостью, перевелъ глаза на Павлу Николаевну и прошепталъ: „поцѣлуй меня".

— Я поняла, что онъ хочетъ проститься со мной и выразить благодарность за то, что я его не обижала,—разсказывала Павла Николаевна,—но я въ первую минуту какъ-то растерялась отъ неожиданности просьбы и промедлила нѣсколько секундъ, а когда я нагнулась къ бѣдному человѣку, онъ уже умеръ.

Впослѣдствіи не одинъ разъ приходилось многимъ изъ насъ цѣловать больныхъ, въ особенности дѣтей,—кого передъ кончиной, а кого и отъ радости, что ему удалось вырваться изъ когтей смерти. И пусть смѣются надъ нашей „сентиментальностью" тѣ, у кого, вмѣсто живого, горячо трепещущаго сердца, въ груди лежитъ только кусочекъ papier-maché.

Въ Рѣпьевку вернулись къ намъ Илья Александровичъ съ Авдотьей. Оказывалось, что въ Бѣломъ Яру ему нечего дѣлать: холеры тамъ, кромѣ двухъ-трехъ случаевъ, не было. Я очень обрадовалась его пріѣзду въ виду того, что намъ предстояла поѣздка въ дальній конецъ уѣзда, въ село Большую Кандалу съ 6,000 жителей; въ трехъ верстахъ отъ Большой Кандалы находится селеніе Малая Кандала съ 3,000 жителей. Насъ предупреждали, что въ обѣихъ Кандалахъ „живетъ народъ разбойный", и что въ Малой Кандалѣ совсѣмъ не хотятъ принимать меди-

цинской помощи, что больныхъ тамъ лѣчитъ священникъ, очень энергичный человѣкъ, который подчинилъ своему вліянію даже мало-кандалинскихъ старовѣровъ. Все это меня, однако, мало пугало: не первый годъ живя въ деревнѣ, я знала, что росказни растутъ тамъ, какъ снѣжные комья.

Илья Александровичъ былъ очень доволенъ своимъ пребываніемъ въ Бѣломъ Яру. Онъ тамъ въ теченіе дня дѣлалъ нѣсколько визитовъ къ больнымъ, къ нему тоже приходилъ десятокъ-другой амбулаторныхъ больныхъ на домъ, главнымъ образомъ хрониковъ. Устроился онъ на квартирѣ, безъ всякаго комфорта, конечно, но прилично и чисто; хозяйка готовила ему съѣдобный обѣдъ, Авдотья прислуживала... Онъ жаловался только на скуку, такъ какъ настоящаго дѣла у него не было, какъ не было ни книгъ, ни знакомствъ, ни развлеченій. Уѣхалъ онъ потому, что убѣдился, что холеры больше нѣтъ. Когда мы разсказали ему, что видѣли и слышали и при какихъ условіяхъ намъ пришлось жить и работать за это время, онъ удивился и пришелъ въ ужасъ, но въ то же время выразилъ мнѣніе, что мы навѣрное отчасти преувеличиваемъ.

Пришлось мнѣ разговориться и съ Авдотьей насчетъ ихъ житья въ Бѣломъ Яру.

— Какъ вы тамъ жили?—спросила я сидѣлку.

— Ничего, хорошо жили,—отвѣчала она;— Илья Александровичъ просто душевный баринъ: все такъ тихо да ласково и со мной, и съ фершаломъ, и съ больными, только...— она разсмѣялась и замялась.

— Что такое, въ чемъ дѣло? — спросила я нѣсколько тревожно, такъ какъ была уже напугана открытіемъ весьма непріятныхъ сторонъ характера нѣкоторыхъ своихъ сотрудниковъ.

— Да вы не пугайтесь, барыня,—успокоительно проговорила Авдотья, — я только хотѣла сказать, что ужъ больно чудно баринъ по-русски говоритъ...

Я съ облегченіемъ вздохнула, Авдотья же продолжала:—придемъ мы, значитъ, къ больному, а онъ и заговоритъ, примѣромъ сказать:

— „Бабушка, что твой синъ вирвалься сегодня?“

— „Да куда ему вырваться,—отвѣчаетъ бабка:—онъ, видишь, батюшка, головы поднять отъ слабости не можетъ!“

— „Ахъ, нѣтъ, бабушка, я не то: ну, у него вирвалось сегодня?“

— „Да ты что же, батюшка, чудное такое спрашиваешь? Никакъ я въ толкъ не возьму!“

— А ужъ мнѣ-то чистая умо-о-рушка,—смѣшливо протянула Авдотья,—вотъ я и вступлюсь:

— Чего же это ты, бабушка, въ толкъ взять не можешь:

русскимъ языкомъ тебя баринъ спрашиваетъ, рвало ли твово сына сёдни али нѣтъ...

— „Какъ же, какъ же, родименькій, было всего, вотъ только теперь утихъ.“

— „Ну, вотъ, бабушка, когда совсѣмъ утихъ, а синъ еще слабъ, надо черный хлѣбъ не давать, а только одна похлебка, когда кушать проситъ... И вари похлебка такъ: курица, соль и вода, и бери куры нѣсколько.“

— „Ахъ, ты, Господи, мой батюшка, да, вѣдь, у меня куръ-то всего двѣ *).“

— А я ужъ тутъ впрямь помираю со смѣху и сказать ничего не могу, а баринъ не сердятся, а только говорятъ:

— „Ахъ, бабушка, зачѣмъ двѣ? Я говорю: возьми и отрѣжь нѣсколько одной куры“.

Разсказъ Авдотьи насмѣшилъ и меня. Я была очень довольна, когда она заявила мнѣ, что Илью Александровича мужики одобряютъ, она же не иначе звала его, какъ „мой баринъ“, и ухаживала за нимъ, какъ за ребенкомъ, косясь по временамъ на всѣхъ, какъ бы его кто не обидѣлъ.

— И что я вамъ еще доложу, барыня, — разсказывала Авдотья: — вотъ вы все шутили да дразнили Илью Александровича разбойниками, а вѣдь, я такъ думаю, что только ради его простоты насъ Господь помиловалъ въ Богдановыхъ Выселкахъ, когда мы въ Бѣлый Яръ ѣхали. Онъ и до сихъ поръ не знаетъ, какъ близко отъ смерти былъ. Выѣхали мы, значитъ, изъ Черdакловъ съ ямщикомъ Степаномъ, сынъ котораго у д-ра П. въ больницѣ сторожемъ. И этотъ Степанъ съ д-ромъ П. всюду ѣздитъ давно и самый, значитъ, вѣрный человѣкъ; я обо всемъ ужъ до отъѣзда разспросила, потому, не ровенъ часъ, и всѣ мы подъ Богомъ ходимъ. Ну, поѣхали мы въ Бѣлый Яръ, и вовсе намъ бы и въ Богдановы Выселки попадать не зачѣмъ было, да дождь пошелъ и темень такая наступила, что Степанъ хоть всѣ пути-дороги чуть не по всему уѣзду знаетъ, а тутъ заблудился; колесили мы колесили по полямъ да по лѣсамъ и вдругъ видимъ огоньки... А дождь, что изъ ведра; и не хотѣлось бы намъ въ полночь въ незнакомую деревню привертывать, особенно по нонѣшнимъ временамъ, да дѣлать нечего: вѣдь если бы себя не пожалѣли, да остались въ полѣ, такъ скотину—лошадей пожалѣть надо. Вотъ въѣхали мы въ деревню... „Ишь, куда насъ занесло“, говоритъ Степанъ, „вѣдь это Богдановы Выселки“... и самъ жмется чего-то и чуть не шопотомъ говоритъ. Заныло мое сердечушко... только промолчу, думаю, — зачѣмъ мнѣ барина пугать, вишь, онъ, голубчикъ, ни о чемъ не помышляетъ, дремлетъ себѣ, покачивается въ тарантасѣ, такъ что въ иномъ мѣстѣ и поддер-

*) По простонародному «нѣсколько» равнозначуще «множеству».

жать его надо... Остановились мы на взъѣзжей, тутъ намъ самоваръ поставили. Вижу, хозяинъ какой-то пахмурый, невеселый и все молчитъ, слова отъ него не добьешься. Ну, напились мы чаю, улеглись спать: баринъ на лавкѣ, я на другой, а ямщикъ на печкѣ. Баринъ сейчасъ заснулъ, а мнѣ не спится... Только стала я маленько подремывать и вдругъ слышу что-то „жу-жу-жу", точно ручьи журчатъ въ полую воду, либо лѣсъ въ вѣтеръ макушками шумитъ... Какъ рукой сняло съ меня дремоту, а все въ толкъ не возьму, что за гулъ такой... И вдругъ слышу тихохонькій Степановъ голосъ изъ сѣней: „Авдотья, а Авдотья, поди-ко сюда... да смирненько: не разбудить бы барина-то"... Встала я, выползла въ сѣни: „что, говорю, тутъ такое?" — „А то, говоритъ ямщикъ, „что собрался народъ на дворѣ да на улицѣ около избы и ужъ допрашивали меня: „Кто, молъ, вы такіе и зачѣмъ къ намъ пріѣхали, и не дохтура ли?"

— А ты что сказалъ?

— Мнѣ что говорить? Я сказалъ: а почемъ мнѣ знать, кто такіе? Они мнѣ не докладывались, паспортовъ не показывали, — ямщикъ не урядникъ,—заказали лошадей, велѣли везти въ Бѣлый Яръ, я и повезъ... Вотъ и весь мой сказъ.

— Ахъ, ты, Господи! пропали наши побѣдныя головушки! А неужто-жъ такъ и пропали? Семъ-ко я сама съ народомъ потолкую. Вышла я на крыльцо: что, говорю, родименькіе, вамъ отъ насъ надоть? А какъ я вышла, такъ по народу точно ропотъ прошелъ, меня же по кожѣ морозъ деретъ,—слышала я, вѣдь, что съ фершалами да съ докторами дѣлали въ благодарность за ихъ труды: карасиномъ поливали да живьемъ сжигали, вмѣсто того, чтобы имъ ноги мыть, да ту воду пить... Вотъ и спрашиваю: что вамъ отъ насъ надоть? А они: „кто вы такіе?"

— Кто мы? Да хозяинъ мой приказчикомъ въ Симбирскѣ: а ѣдемъ мы по торговымъ дѣламъ въ Бѣлый Яръ на полгода, а я его стряпка...

— А не врешь ли, тетка?

— Чего мнѣ врать?

— Кто тебя знаетъ!

— Изъ Симбирска, что-ль, ѣдутъ?—спрашиваютъ у Степана.

— Оттуда,—говоритъ:—ѣздили въ Старую Майну и объ торговыхъ дѣлахъ, слышалъ, толковали.

— А къ намъ чего пріѣхали?

— Да мы къ вамъ вовсе не ѣхали, а заблудились... Чать, вы меня, ребята, не первый годъ знаете...

— Какъ не знать,—отвѣчаютъ.—Ну, можетъ ты и правду говоришь!..—и стали потихоньку расходиться, а одинъ и молвитъ:— Счастье ваше, что ямщикъ знакомый, не то мы бока бы вамъ пощупали!

А у самихъ у всѣхъ здоровенные батоги въ рукахъ.

Разошелся народъ по домамъ, а тутъ и свѣтъ сталъ брезжить, ну, мы: давай Богъ ноги, чтобы часомъ не одумались мужики да не вернулись...—такъ-то вотъ!.. Барину я о томъ и по сейчасъ ни словечка, пусть его, голубчикъ, и не пугается.

Разохотилась Авдотья разсказывать и, между прочимъ, разсказала мнѣ о томъ, какъ одинъ знакомый ей фельдшеръ въ первый разъ ѣздилъ къ холерному старовѣру.

— Дали знать фершалу,—повѣствовала Авдотья,—что въ старовѣрской деревнѣ холера; вотъ онъ и пріѣзжаетъ туда, спрашиваетъ старосту, въ какихъ избахъ больные. Привелъ его староста къ одной избѣ и самъ ушелъ. Входитъ фершалъ, видитъ—сидятъ мужики по лавкамъ, спрашиваетъ: „Кто у васъ больной?“ А одинъ старикъ и отвѣчаетъ: „А коли ты святой, такъ самъ и узнай, кто у насъ больной!“—„Я съ вами не шутки пріѣхалъ шутить, говоритъ фершалъ, и я не святой, а холеру пріѣхалъ лѣчить, такъ и сведите меня къ больному.“

— „Да и мы съ тобой не шутки шутимъ,—отвѣчаютъ,—а коли ты самъ больныхъ отъ здоровыхъ отличить не умѣешь, такъ что ты и за дохтуръ... Ну, говори: кто изъ насъ больной?“

— „Кто изъ васъ больной, я не знаю,—отвѣчаетъ фершалъ,—а кто ты, старикъ, это мнѣ извѣстно...“

— „Ну, кто я такой?

— „А вотъ кто: чортъ!

— „Такъ я чортъ, такъ вотъ ты какъ!“

Всѣ вскочили, схватили фершала, связали его и заперли въ конюшню: сиди, молъ, тутъ, пока не скажешь, кто больной.

Просидѣлъ онъ тамъ до вечера и удалось ему какъ-то развязаться, онъ вылѣзъ изъ конюшни черезъ верхъ, да задворками и ушелъ... а додержали бы его до ночи, такъ ему бы и живу не быть, пожалуй.

Изъ Рѣпьевки я съѣздила въ Сосновку, гдѣ находилась сестра Ольга Алексѣевна. Она встрѣтила меня далеко не радушно и нехотя отвѣчала на мои вопросы. Населеніе, какъ оказалось, было неособенно расположено къ ней, но тогда я этому не придала значенія, такъ какъ знала, насколько враждебно къ намъ вездѣ относятся вначалѣ. Разсказывая о своемъ житьѣ-бытьѣ въ Сосновкѣ, Ольга Алексѣевна расхвасталась, что наварила себѣ варенья — что меня нѣсколько удивило, такъ какъ наша часть отряда не успѣвала не только варить варенье, но частехонько и пообѣдать. Анна Николаевна тоже какъ-то была вяла: — я спросила ее, здорова ли она,—она отвѣчала, что здорова. Такъ я съ ними и распростилась. Больные ихъ уже почти всѣ выздоравливали.

А. Паевская.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).